

Добуши-Городищенская

**ЗАПАДНЫЕ
ПАЛОМНИЧЕСТВА
В СРЕДНИЕ ВЕКА**

125

**ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН
1924**

57

~~Державна иста
Исторична библиотека~~

ТИПОГРАФИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА
БРОКГАУЗ-ЕФРОН
ПЕТРОГРАД, ПРАЧЕШНЫЙ, 6.

Петрооблит 8453

Напечатано 1000 экз.

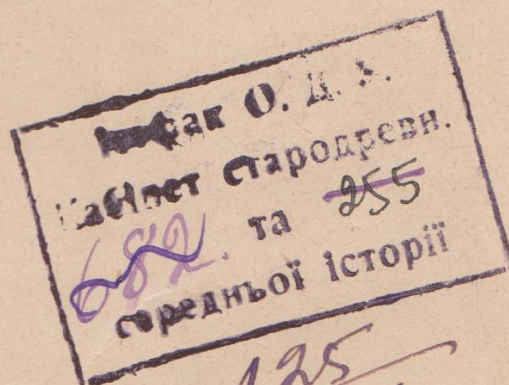
Проф. О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

нов. ср. веков
нов. 145

ЗАПАДНЫЕ ПАЛОМНИЧЕСТВА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Державний університет
Історичний кабінет

125
1951

ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН
1924

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несколько предварительных замечаний к следующим далее очеркам. Они занимаются западными паломничествами в средние века — в период их расцвета — и мало затрагивают более поздние центры и потоки. В обстановке современной жизни паломничества значительно утрачивают для историка былой своеобразный интерес. Мотивы и чувства людей, идущих доньше к старым центрам или организующих новые, в лучших случаях остаются те же, какими они были в средние века, и нам пришлось бы повторяться, останавливаясь на них еще раз. Если же в современных паломнических движениях есть что-либо новое, характерное для течений «мирских веков», оно имеет слишком мало общего с духом и смыслом паломничества.

По отношению к самой эпохе средневековья, золотой поре «божьих странничеств», мы не ставили задачей дать каталоги всех паломнических центров и путей большой и средней знаменитости. Это излишне обременило бы небольшую книжку, цель которой — ввести в мотивы, атмосферу и особенную природу бродячей Европы, сдвинувшейся с места в поисках «подлинной святыни», возбудившей в этом движении множество более реальных и житейских струн и интересов, которые звучали параллельно с основными, и которым эти основные уступят место на множатся дорогах и в душах разрастающихся страннических масс конца средневековья.

Книга построена на довольно значительном материале средневековых текстов: хроник, житий, законодательных актов, проповедей, мемуаров, писем и песен, а также опирается на некоторые, посвященные тому же предмету

современные сочинения. В тех случаях, когда мы цитируем современных авторов, мы всегда указываем их в примечании. Если, однако, наши «кавычки» не сопровождаются никакой сноской, это значит — цитата взята нами из какого-либо средневекового текста. Мы не нашли возможным обременять книгу, уснащая ее ссылками на многочисленные источники. Она предназначена для самой широкой публики, и самый печатный станок вряд ли мог бы легко выдержать все это множество специальных указаний.

На стран. 19—23 и 31—33, а также некоторых из заключительных страниц мы основываемся на наших собственных книгах — «Крестовые походы» и «Култ св. Михаила в латинском средневековьи», и некоторые отрывки воспроизводим из них дословно.

I

Средневековье любило глядеться в образы неподвижности и узнавать в них себя. Его церковь построена на камне. Его города стиснуты каменными твердынями, замки пугают тяжелыми башнями. Рыцари одеты в стальную броню, а женщины в негнушущую парчу. Крепостные деревни скованы цепью феодального закона; и строгая социальная иерархия, полагая одни общественные слои в подножие другим, отнимает всякую надежду у «каменной основы» на какое-либо движение, могущее переместить взаимные отношения «несущих и несомых». — «Помост пола, который топчут ноги, — это смиренный, трудящийся народ». Он едва смеет поднять глаза в высоту, куда уносятся гордые колонны, вожди общества, учителя церкви, к стропилам, где расположились его «защитники», благородные рыцари. Этими каменными, застывшими символами средневековье говорит о себе в богословской и изящной литературе, в фресках, рельефах и миниатюрах, в мраморе, красках и книге; и мы верим — или долго верили этим самопризнаниям, и искали и находили их соответствия в неподвижности его быта, в застывшей суровости его права, в замкнутости его хозяйства, в порабощенности общества земле, закостенелости политических форм. Мы дали совокупности этих отвлеченных от подлинной жизни черт имя феодализма и, изучая до мельчайших часто тонкостей его структуру, во многих случаях просмотрели идущую через нее и ее все время разрушающую пеструю стихию жизни.

Лишь с недавнего времени, всмотревшись в подлинные факты средневековой действительности, мы стали понимать,

как часто образы неподвижности создавались как раз по противоположности бунтующемуся хаосу или творческому движению бытия. Непонятая беспорядочность непрерывно возникавшего нового заставляла систематические умы, — а их на беду средневековья было слишком много в той среде, которой выпало на долю сознать и отражать процесс истории, — настойчиво и упорно искать формулу вечного порядка и втискивать ее в расплавленную массу проходящего. Оно не сохраняло отпечатка в действительности, но под этой формулой оно было зарегистрировано в отражении.

Перед историей средних веков в этом смысле грешили систематические умы не одних средних веков, но и нашего времени. Увлеченные поиском общих законов, социологических формул, историки и толкователи средневековья не только мало вчитывались в хроники и нарративные и литературные его памятники; в самих юридических текстах, где они искали «норм», они слишком были внимательны к общему, к повторяющемуся, одноименному, не всегда замечая, что слова меняют свой смысл, что вокруг нормы нарастает больше нарушений, нежели приложений, что часто она есть пустой звук, уже наполненный новым содержанием: что «закон» существует, но он не тот, каким его наскоро ухватила обобщающая мысль, что он гораздо более сложен и еще не угадан.

Теперь даже средняя масса работников нашей науки начинает учиться тому, что всегда дано было великим историкам: все большей чуткости и осторожности в обращении с материалом. Этому учит нас накапливающийся опыт науки. Ему будет содействовать и необычайный опыт живой истории. Кто имел возможность и силу сохранить ясность мысли и спокойствие духа среди кризисов и страданий совершающегося, кому дано было пред его лицом *ne scilicet laetare, ne scilicet ridere, neque flere, sed intelligere* — «не радоваться, не смеяться, не плакать но понимать», кто с обновленным опытом снова добро-

совестно и без предвзятых мыслей будет всматриваться в минувшее, тому история откроет свои тайны. Уже и теперь мы все больше научаемся не верить подсовываемым систематическими умами объяснениям, оценивать в их подлинном значении также и наивные, бессознательные ее отражения, и понимание прошлого, в частности, понимание средневековья, для нас перестраивается. Более, может быть, чем из иных периодов, на нас глядит из него тот трагический дух культуры, который так описал свою роль в истории:

В буре деяний, в волнах бытия
Я поднимаюсь и опускаюсь.
Смерть и рождение — вечное море;
Жизнь и движение в вечном просторе.
Так на станке проходящих веков
Тку я живую одежду богов.

II

«Феодальный строй, замечает Люшер, представляется по самой своей природе изолирующим личность порядком жизни: он приковывает благородного рыцаря к его замку, крестьянина — к его земле. Малое число и плохое состояние путей, опасности, на каждом шагу ожидавшие путника, полное невежество, неосведомленность относительно всего, что переходило тесные границы замка, округа, провинции, все, казалось, должно было удерживать средневекового человека от попытки покинуть родной край и пуститься в даль. Однако, Франция XI века» — мы могли бы сказать, расширяя пределы утверждения авторитетного историка, вся Европа даже и в раннее средневековье — «была ареной неугомонного, всеобщего перемещения. Это общество, которое кажется нам скованным в определенных, неизменных рамках, оказывается находящимся в непрерывном движении» ¹⁾.

¹⁾ Для данной, а также след. страницы см. A. Luchaire — „Les premiers Capetiens“, гл. III книги I.

Земледельческая масса не держится на месте. Деревня на всем протяжении средних веков знала бродячих пахарей; города — бродячих купцов, которые бороздили реки и моря своими судами, наполняли сухопутные дороги своими обозами и товарами. Виланы фактически постоянно покидали сенъерии, к которым приковывала их формально цепь феодального закона. «Крестьяне и ремесленники бежали из провинции в провинцию населять прибежища, новые города, — приманки, расставленные перед странствующей нуждой. Границы феодалов не являлись непреодолимой преградой. Сервы двигались; незаконно, — но уходили».

Очень рано приходит в движение и «благородное» население замков. Вассальные обязанности большинства в отношении своих сюзеренов, воинственные предприятия, поиски приключений, политическая борьба — с ее следствием, изгнанием победленных — постоянно выводят из неподвижности эту общественную группу.

Духовные, «клирики» — вечно в пути, направляясь то на соборы, созываемые в различных центрах, то в близкие и далекие города, по требованиям духовного начальства, то с докладом или с покаянием — в Рим. В более поздний период средневековья на большой дороге явится в значительном числе одна очень интересная и живая разновидность «клира»: студенческая молодежь умножающихся школ и, — своеобразный продукт наполовину духовных, наполовину светских влияний, — странствующие сказатели и бродячие певцы.

В этих передвижениях, переливавших кровь молодой Европы по разным частям ее вновь начинающего жить тела, религиозные паломничества были одною из самых заметных составляющих.

Не только потому, что жажда душевного спасения, надежда получить его через прикосновение или лицезрение «подлинных» следов нездешнего мира оказывалась одним из самых сильных мотивов, снимавших с мест большин-

ство подвижных элементов Европы: даже в тех случаях, когда этот мотив не являлся ни преобладающим, ни искренним, и тут странствие, подчиняясь обычаю эпохи, считаясь с требованиями известного благочестивого лицемерия и практического удобства, одевалось в формы паломничества, называло себя странствием господ ради. Под именем паломничеств мы нередко имеем дело с купеческими предприятиями, деловыми передвижениями, странствиями любознательных путешественников. В настоящем очерке мы хотели бы сосредоточиться на путях настоящих пилигримов. Это, однако же, навряд ли нам удастся и, не будучи в состоянии в каждом отдельном случае освободиться от понимания и освещения памятников, мы неизбежно захватим в наш круг то, что мы назвали бы полуискренними паломничествами.

Их пути непрерывно связывали самые отдаленные углы северной Европы с рано просиявшим святостью Средиземным приморьем, приводили в внутреннее общение начинавший жить Северо-запад; но заметнее всего и плодотворнее всего, в интересах культуры, — они связали его с старым европейским, азиатским и африканским востоком.

Из всех народов средневекового Запада странническая тяга и, в частности, особенное, почти загадочное стремление на Восток характеризует те племена, которые дальше всего были откинута от этой цели своих желаний. То были народы крайнего севера — иро-скотты, англы и в особенности «северо-германцы», так называемые норманны. «Всякого, кто вчитывается в разнообразные источники истории средневекового Севера, особенно поражает та таинственная притягательная сила, с какою Восток действовал на дух народов Скандинавии, начиная с самых отдаленных времен, упорная жизненность в народном предании какой-то мистической идеи, связанной с далекою страной, где встает солнце» ¹⁾. Эти предания помещают на востоке

¹⁾ В стран. 13 — 75 мы опираемся на сочинение Riant. — *Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte etc.* Paris. 1865.

родину героизированных предков племени, асов, и «святой город», Асгард, где живет родственный ему народ, чтущий Одина. Там — колыбель народов. Земля покрыта вечно цветущими лугами, которые орошают медовые реки. Там облака не затемняют солнца, и бури не волнуют воздуха. Усталый путник находит в висящих в воздухе дворцах роскошный прием. Самая смерть утратила там свою силу. Еще дальше на восток обитаемую землю круговым океаном обвила бессмертная гигантская змея, Мидгард, отделяя от земли асов страну великанов.

Христианская легенда, проникая в мир сумеречных преданий Эдды, преобразила, но не устранила притягательный миф. В ней земля Востока, Austr, придвинулась ближе, определилась отчетливее для мысли Севера. Средневековые хроникеры начинают переводить имя Austrvegr (восточный путь), — как «Геллеспонт», и Асгард — как «Византию». Но «святая земля на востоке» должна была получить еще более определенный и волнующий смысл, когда для сознания новообращенных христиан вместе с космическим солнцем, из-за туманов восточных морей, встало незаходящее «солнце правды», и святой город оказался приютом гроба воскресшего христианского Бальдура. Сами Эдды продолжали пускать корни и цвести на земле Палестины. Священные истоки Иордана, для северного христианского поэта, начнут отождествляться с «источником Урды», у которого некогда вещие Норны Эдд пряли нить жизни, и где боги вершили суд. «На юге, у источника Урды живет Христос». Он получит в преображенной легенде имя «Царя Иордана». Попрежнему, быть может, для воображения неутомимых скитальцев по морям, Иордан рисовался медовой рекой, текущей по пурпуровым лугам, и святой город — блистающим золотыми стенами. Несомненно, во всяком случае, что христианские паломничества будущих ревностных «йорсалафар-ов» (путников в Иерусалим) совершенно естественно выросли из языческих религиозных паломничеств, составлявших некогда один из важных обрядов

культа старых богов. «Далекие странствия, предпринимаемые с целью спросить совета какого-нибудь чародея, принести жертву в «священных землях» (helga löngdir), в чтимых местах, как храмы асов в Упсале, как леса Герты, помолиться на гробницах далеких предков — были в привычках племени... Восток в особенности часто бывал целью этих далеких странствий... И когда в XI веке до Европы начали доходить жалобы восточных христиан, и когда проявились первые признаки крестоносного брожения, далекий север, в силу природы национальной своей традиции, был готов в путь...»

Впрочем, континентальная Европа, с XI веком невольно принявшая на этом пути водительство различных норманнских групп, вступила, в общем, на него раньше и сознательнее.

В IV и V веках Восток, преимущественно эллинский, но также сирийский, армянский, египетский, персидский представляется полным культурной жизни на фоне одичания западной половины Римской империи. «Восстановление империи при Константине и Диоклетиане не могло вернуть латинской культуре ее утраченной силы и здоровья. Переноса седалище империи, ее столицу, в Византию, Константин Великий только санкционировал фактически создавшееся преобладание востока над западом. При его преемниках, несмотря на страшные потрясения, какие постигли восточную империю, особенно Балканский полуостров, восток, можно сказать, в общем, остался укрытым от вторжений. Византийская империя явилась настоящим бастионом в отношении германского варварства, и двукратно, в два тяжелых момента ее политические вожди сумели повернуть от нее на Италию бич готского нашествия» ¹⁾.

В этих условиях античному быту и античной культуре еще надолго обеспечено было цветение в разных областях

¹⁾ Bréhier. — „L'Eglise et l'Orient“.

Востока, тогда как на Западе, казалось, быстро и грустно мерк ее свет. Великие города Востока: Александрия, Антиохия, Иерусалим, Константинополь — еще хранили нетронутыми и множили культурные сокровища, которые быстро таяли в Марселе, Лионе, Арле и Риме. В то время, как на Западе падали колонны храмов и арки водопроводов, замолкал шум мраморных фонтанов, площади амфитеатров зарастали травой, в столицах Сирии, Египта и Византии жизнь была ключом; кипел промышленный труд, совершалось торговое общение, волновали политические страсти, и разворачивались народные движения; мысль напряженно работала над религиозными проблемами и подводила, часто в форме эклектических сумм, итоги долгому, научному и философскому опыту прошлого. Восточные мыслители в эти века вырабатывают те компендии знаний и представлений, те системы философии и богословия, вокруг которых, как вокруг холодного, негреющего солнца, долго будут оборачиваться тяжелые мысли средневековых людей.

Церковь восточная жила напряженной и тревожной жизнью. Вынужденная — с торжеством христианства — принять в свое лоно огромные, хлынувшие к ней полусознательные и полуискренние массы, она должна была искать каких-то практических соглашений между высоким идеализмом учения и смутной моралью мира, приспособлять к новому смыслу старые бытовые традиции, ковать материальное одеяние церковного общества, в то самое время, как ее мысль упорно работала над созданием догмы. Но если в яростных догматических распрях и сомнительных житейских компромиссах мучился образ непорочной голубицы, чистой христианской церкви, — религиозная мечта искала для нее новых, более безупречных воплощений. Тьма не могла объять светившегося в ней света. От него загорались все новые пламенники. Покидая зараженные язвою соглашения общины, уходя от мирских соблазнов, носители нового света укрывали его в храме пустыни: «Я называю пустыню безграничным божьим храмом. Верно

то, что бог обитает в молчании...» «Что сказать об островах, которые творец раскидал, точно драгоценные камни, в оправе зеленого моря? Тут прячут свою чистоту люди, бегущие от соблазнов мира. Море для них — тайное убежище великого спокойствия. Шум волн, мягко разбивающихся о берега, вторит пению псалмов, и так острова отзвучны хору святых и ликуют в гармонии с их сладкой музыкой».

Берега и острова Нила, покинутые гробницы и гроты прибрежных скал, пустыни Фиваиды и Сирии населились великими анахоретами или наполнились многочисленными общежительными братствами, которые искали в жизни, очищенной суровым подвигом труда, согретой взаимной любовью, озаренной восторгом молитвы, — воплощения града божия на земле.

Священная история библии продолжала жить в них. Как более поздние святые, «попадая на пути ангелов, старались вставлять свои ступни в следы их ног», первые пустынножители старались пройти по следам героев и событий ветхого и нового завета. Они основывали свои приюты и киновии в «памятных местах». Список их определялся постепенно при установлении «меморабилий». Добросовестное археологическое исследование чередовалось с самой наивной фантазией. Египет и Палестина исхожены были вдоль и поперек, и на местах, освященных воспоминаниями, возникали новые подвиги и новые легенды. Вслед за великой эпопеей библейских патриархов, царей и пророков, Христа, богоматери и апостолов, Восток растил новую эпопею «святых людей». Она скоро втянула в свой круговорот и западную душу.

«Так, к концу античности Восток вернул первенство, утраченное им в золотые века империи. Он был единственным седалищем императорской власти, престиж которой был жив в Европе; он представляется землей аскетов и святых, землей учителей и отцов церкви. Он покрыт был храмами и базиликами, которые украшала набожность

императоров. Неудивительно, что он казался людям Запада чем-то вроде обетованной земли, и многие из них стремились хотя бы ценою больших жертв и усилий увидеть страны, о которых рассказывали столько чудес» ¹⁾.

Инициатива сближения в разные века средневековья принадлежала восточным людям. В период IV — VII веков они восстанавливали или создавали новые колонии на Западе. В старых гаванях Средиземного приморья, знакомых Востоку со времени финикийской и греческой колонизации, а также в более видных городах материка, «сирийские купцы» появлялись группами и в одиночку. Хроникер VI века, Григорий Турский, рассказывает, как при появлении в Орлеане короля Гунтрамна «навстречу ему вышла бесчисленная толпа народа, с знаменами, воспевая хвалы. И в этих разнообразных славословиях звучал: там — язык сирийцев, здесь — латинян, а здесь — самих иудеев, сливаясь в кличе: «да здравствует король...» И евреи, видя себя участниками этих хвалений, говорили: «Чтут тебя все племена, перед тобою склоняют колена». Фигуры восточных иммигрантов постоянно мелькают в живых рассказах Григория и его продолжателя, Фредегара. Если Париж и Орлеан слышали в торжественные дни хоры «сирийцев» и «иудеев», тем более мы можем поверить, что города западного приморья: Бордо, Сент, Пуатье, города Прованса: Тулуза, Марсель, Ним, Арль — имели целые кварталы, населенные восточными колонистами.

До конца IV века эти пришельцы довольно легко ассимилируются в латинской культуре, вступают в браки с местными уроженками, усваивают местный язык и оставляют на своих могилах латинские надписи. С V веком, вероятно, под влиянием варваризации западного общества, латинская культура как бы теряет для них свой авторитет. Они перестают считаться с нею и, пред лицом растущего одичания, настаивают на своих национальных особенностях.

¹⁾ Bréhier, op. cit.

Что-то вроде возвратного движения эллинизма замечается на берегах Прованса. В надписях возвращается греческий язык, и счет времени по восточному календарю, по эре селевкидов, характерен в хронологии этих памятников.

Повидимому, в эти тяжелые века, когда Рим вечно был под угрозой нашествий, его сил не хватало, чтобы христианизировать даже столь близкую к нему Галлию. Его инициатива здесь часто отступала перед восточной. В стиле ранних галльских храмов чувствуется влияние восточного, прямо азиатского искусства, в анналах ее первых диоцезов мелькают имена сирийских епископов, на первую известную нам в Галлии христианскую общину бросает свет письмо, написанное ею к «братьям, находящимся в Азии и во Фригии». Следы греческих влияний заметны очень сильно в церковной археологии и религиозной легенде далекой Ирландии. Сам вечный город, сам Рим видел целые ряды сирийцев на папском престоле, как видели их на своих епископских тронах Равенна, Милан, Трир и Париж. Эти видные церковные прелатства сирийского происхождения были, очевидно, открытыми дверьми восточных влияний. Сирийский купец Евсевий, подкупом, как утверждает Григорий Турский, добившийся возведения на парижский престол, окружил себя служителями-сирийцами. Наряду с купцами и кандидатами на церковные должности, являлись монахи и аскеты, в качестве добровольных странников и миссионеров или в качестве вынужденных изгнанников. Святой Афанасий александрийский в два периода постигшей его опалы: в 341 и 346 годах, жил в Риме и Трире, и эти его пребывания имели очень важные следствия для духовной жизни Запада. Ими датируется начало западного монашества.

Прошел век, после того, как первые искатели пустынножительства в Сирии и Египте создали свои таинственные приюты, — и на Западе являются их многочисленные двойники. От пещер Калабрии, от островов Тирренского моря и Бискайского залива, через ущелья Апеннин и Альпов,

зеленые приюты Арденн и Вогез, до скал и мысов Северного моря и горных приютов Шотландии прошли пути анахоретов. В V веке Италия, Испания, Франция и северные острова — старый кельто-романский мир — насчитывают десятки славных обителей. В VIII веке начинает пестреть яркими красками обительская карта Германии. В IX веке обители Запада исчисляются уже тысячами. Из них огромное множество расположилось в сельских центрах, вошло вплотную в темную массу «паганов». Большие и малые обители, кельи и оратории вырастали на путях святых, закрепляя их дело, а уходя из мира, они оставляли ему свои могилы. И чтимые гробницы, поросшие ежевикой, ночью освещаемые тихими лампадами или озаряемые блуждающими отсветами неземных огней, и голоса отошедших, звучавшие через десятилетия оплакивавшим их верным, становились источниками бесконечного легендарного творчества. Здесь, около дорогой могилы, было «все, чем в тишине питается мечта: разлука, и любовь, и смерть, и красота». Здесь было еще новое, необычайное: святость и бессмертие. И в непрерывном соборном отзыве религиозной души на светившие ей и уходившие от нее вознесенными образы, с ее глубокого дна подымалось все, чем напители ее века: сказания языческого мира — варварского и античного, спиритуалистические стихии христианства, наивные, простые эмоции и сложные мистические переживания. Здесь создавалась возвышенная духовная греза и доходивший до грубой материализации культ плотских останков и воспоминаний исчезнувшего бытия — реликвий, спасительных талисманов — *patrocinia*, «залогов» нездешнего мира — *ripnoga*. За местными святыми, героями родных церквей, выдвигались закутанные мглой далеких морей и пустынь, светлыми туманами более древней легенды строгие лики великих анахоретов Востока, учителей пустынножительства, рождая в учениках страстное желание приблизиться к общению с ними, видеть духовную родину наставников.

Этим желанием вызвано большинство странствий западных людей в первые века средневековья. «Одни из них направляются в Африку, другие — в долину Нила, третьи — в горы Родоса, в пустыню Синайскую». Больше всего целью путников является Палестина. С того времени, как Христос покинул общину своих учеников, и понемногу стали прекращаться его полутелесные явления в горницах с затворенными дверьми, на берегах Геннисаретского озера, и в сумеречные часы на дорогах Палестины, с того дня, как в последний раз они видели его «в облаке» — для них не угасал свет незримого его присутствия. Они продолжали ждать его, чуяли его близость, в особенности в местах, освященных сказаниями о земном его пребывании: на полях, где он рвал колосья, на ступенях храма, где он учил, на холме, где был распят, в саду Иосифа Аримафейского, где три дня покоилось его тело. Этим ожиданием, этим ощущением близости они заразили души человечества, облекшегося во Христа, на далекие пространства и на долгий ряд поколений. Искание «действительного присутствия» с его возвышенными порывами к пределам миров иных, с его наивно-кошунственной материализацией веяний и прикосновений передавалось от общины потерявших его учеников и апостолов, дальше, всюду, где они «были его свидетелями: по Иудее и Самарии и даже до края земли». Нежною печалью утраты, восторженным трепетом близости проникнуты впечатления первых известных нам странниц в Палестину. «Наступит ли день, пишет одна из участниц странствия, когда нам дано будет войти в пещеру Вифлеемскую, у гроба господня плакать с матерью, плакать с сестрой? Целовать крестное древо и на горе Елеонской с вознесшимся спасителем возноситься духом и стремлением, видеть исходящего Лазаря, спутанного пеленами, чистые воды Иордана, притекшие чистейшими к купели господней, проникнуть в хлев пастырей, молиться у Давида мавзолея... И мы пойдем в Назарет и увидим — согласно толкованию имени его — цветок Галилеи. Недалеко

от него видна Кана, где вода обращена в вино. Мы проникнем и на гору Фавор и узрим там скинию спасителя — не с Моисеем и Илиею, как того хотел некогда Петр, но с отцом и духом святым. И пойдем мы к озеру Генисаретскому и увидим тысячи, насыщенных семью и пятью хлебами. Явится нам город Наин, у ворот которого воскрешен сын вдовы, и покажется Ермоним и поток Эндарский, где побежден Сизара, Капернаум, место чудес господних, и явится нам вся Галилея. И когда, сопутствуемые Христом, через Силом и Вифель и прочие места, где точно знамена господних побед воздвигнуты сени церквей, мы вернемся в нашу пещеру, то будем петь непрестанно, часто плакать, непрерывно молиться и, уязвленные копьем спасителя, воскликнем: «Нашла я того, кого искала душа моя. Удержу его и не отдам».

Восторженные женщины, высказавшиеся в этом письме — ученицы бл. Иеронима. По его примеру и указаниям они вступили на «святой путь», но на этом пути за ними и перед ними в этот век тянулись длинные ряды странников. «Я не кончу, говорит бл. Иероним, если стану перечислять всех: епископов, мучеников, мудрецов, ораторов — кто в разные века, от вознесения господня и до наших дней, шел в Иерусалим, в уверенности, что его вера и его мудрость неполны, что его добродетель несовершенна, если он не поклонился Христу в том самом месте, где с высоты креста засияли миру первые лучи благовествования (евангелия)».

В вьерзонском монастыре в Испании накануне арабского нашествия читали и комментировали загадочный дорожник конца IV века, известный под именем «Хождения Сильвии». Вновь открытый в конце прошлого столетия (уже оборванным, лишенным начала и конца), он возбудил глубокий интерес европейских и русских исследователей. Его автор — женщина, несомненно очень знатная, повидимому, настоятельница или монахиня какого-то испанского монастыря... «Восток познал ее, говорит о ней вьер-

зонский инок VII века, деву, вышедшую от крайнего запада, с берегов, омываемых волнами океана. Она не знала отдыха на земле, чтобы с победной пальмой достигнуть вечного покоя, «царства эфирного света». Он характеризует ее одновременно, как «хрупкую» и «нежную» и вместе — «мужественную».

«Она посетила знаменитые обители Фиваиды. Она следовала в Египте по путям народа избранного, она видела славные города и оставила изящное их описание. Следуя всюду по стопам Израиля, она достигает, наконец, подошвы Синая». Нежная и простодушная, наблюдательная и «любопытная» (так выражается о себе она сама: «Я очень любопытна»), странница проникала всюду: в пески заиорданской земли, в глухие обители на малодоступных горах, где «святые» принимали ее с благословениями и евлогиями «к последним пределам Империи, за которыми уже нет доступа римлянам». Одно из самых прозрачно-одухотворенных впечатлений ее странствия — видение, открывающееся с вершины Синая. «Труден подъем на эту гору. На нее всходишь не кругами, а прямо вверх, точно по стене... Оттуда, где мы стояли подле стен церкви, с вершины центрального возвышения под нами расстилались, точно (плоские) холмы, те высокие горы, по которым мы с таким трудом только что взошли. При подъеме они казались бесконечными; я сказала бы, что не видела более высоких, но эта средняя их еще превосходила. И видели мы отсюда Египет и всю Палестину и Красное море, а также бесконечные пределы сарацын, так глубоко и далеко, что вы этому и не поверите...» Но земная картина, расстилавшаяся у ног неутомимой странницы, начинает закрываться волнами небесного света, и взгляд обращается в высоту. «Созерцая в душе своей грядущее пришествие бога и как бы соперяживая его в настоящем, в забвении женской своей слабости и грозной суровости крутого утеса, точно поднятая божьею десницею, она возносится на святую гору, вершина которой уходит в тучи, и где в облаках небесных явится

некогда — мы этого чаем — неизреченная слава божия величия».

Насколько часты и многочисленны были в этот век странствия «с западных берегов» и даже более определенно: от берегов Атлантического океана, видно из того, что в результате этих странствий сложился очень твердый маршрут в Палестину. Его изложил нам менее, быть может, притягательный, чем «Хождение Сильвии», но более деловой дорожник, получивший имя «Путь из Бордо в Иерусалим». Его анонимный автор, проехавший вдоль Пиренеев, Средиземного приморья, затем поднявшийся по Роне, чтобы у Мон-Женевр вступить в Альпы, прошедший Ломбардию, горы и равнины Балканского полуострова и через Константинополь, Малую Азию и Сирию достигший Иерусалима, оставил подробный указатель своего пути, с перечислением этапов, остановок и мильных камней пройденного пути. Сухое перечисление станций с вступлением в Палестину превращается в подробное и точное описание святынь. Все говорит в этом дорожнике о большом опыте палестинской peregrinacii и проторенной туда дороге из Аквитании.

Ранний поток мирных и радостных паломничеств обрывается в событиях, которые навсегда оторвали христианский Восток от власти византийских императоров. С наступательным движением персов, достигшим в 614 году Иерусалима, а в 616 году — Египта, справилась энергия императора Ираклия, но на развалинах персидского владычества поднялась новая сила — арабского завоевания. В 637 году Омар овладел Иерусалимом. С половины VII века арабское господство утвердилось в Персии, Сирии, Армении, Африке, угрожало Карфагену и самому Константинополю. «Неодолимая сила — замечает историк — влекла арабов на Запад, и сила эта сломилась только у Константинополя в 718 году», перед ополчениями Льва III и у Пуатье в 732 году, перед конницей Карла Мартелла.

Его победа спасла от нашествия северную Европу, но Испания стала арабской державой, сарацены распоряжа-

лись во многих гаванях южной Франции и Италии, главные станции морского пути на Восток — Крит и Сицилия — оказались в их руках. Средиземное море было покрыто арабскими судами. В таких условиях не могло быть речи о правильных и многочисленных паломничествах. Однако, даже в VII веке, движение западных пилигримов, внезапно и резко замедлившись, не замерло вполне. Поддерживая традицию Григория Великого, папы продолжали слать милостыни заморским христианам. В 670 году Аркульф, епископ, «по национальности галл, довольно пространствовал в далеких странах, умный и правдивый наблюдатель», — так говорит о нем его секретарь, Адамнан. Девять месяцев провел он в Иерусалиме-граде, ежедневно обходя святые места и изложил виденное мне, Адамнану, внимательно выслушивавшему рассказ, сперва заносившему его на таблички, чтобы потом вкратце изложить на пергамене». На восковой табличке Аркульф, по просьбе своего сотрудника, чертил план гроба господня и церкви, воздвигнутой над ним. Он видел в Иерусалиме ярмарку 15 сентября, куда, по его свидетельству, сходятся, наряду с сирийцами, арабами и греками, «люди с западных берегов». Впечатления дорожников — галла Аркульфа, итальянца Антонина (оба VII века), англосаксов Виллибальда и Беды (начало VIII века) проходят на темном фоне обстановки, созданной для путников в Палестину сарацынским ужасом, господствовавшим на морях, состоянием смуты и несчастья, в каком в ту пору находились сильнейшие из держав христианского Запада: франкская Галлия и лангобардская Италия. Но и в них горит все тот же сосредоточенный жар «божия странничества».

III

В том искреннем и свежем письме, которое мы привели на стран. 19, перед нами налицо очень молодая фаза культа реликвий: чувство, не перешагнувшее пределов

потустороннего. Как ни проникнута восторженной нежностью, умилением, близким к экзальтации, душа писавшей его, — в отношении ее к святым местам нет ничего, кроме *cupido visendi* — «любвонной жажды видеть», кроме сочувственного воспоминания и добровольного сопереживания. В поисках этих ощущений, доступных — в отношении дорогого утраченного — даже людям, вовсе свободным от мистических настроений, предпринималась значительная часть ранних паломничеств. Более волнующий и острый характер носят ощущения тех друзей и последователей первых христианских мучеников, которые перед зрелищем их смерти стремились удержать, сохранить как можно больше из их останков. Почти на глазах палача, тут же на арене цирка, мужчины и женщины наперерыв бросались к телу, собирали кровь из ран, при помощи платков и губок, сцеживали ее в особые сосуды, «кровавые фиалы», которые клали обычно в могилу самого мученика, но возможно, вопреки запрещенням (см. ниже), уже в первое время уносили с собой, как драгоценную память, и, вероятно, также с иной тайной надеждой. В круг очень простых, хотя и возвышенных психологических мотивов вводит нас объяснение, какое дает культу реликвий Евсевий Кесарийский. Смирнские христиане собирались ежегодно в праздник св. Поликарпа к его гробнице, «ради воспоминания о тех, кто уже победоносно выдержал битву, так и для укрепления и приготовления тех, кому она предстояла». Так борющаяся, преследуемая церковь почерпала новые силы в воспоминании о своих героях. Церковь победоносная тем естественнее должна была подходить к их останкам с чувством набожной благодарности, что на ее глазах языческий мир воздавал божеские почести своим героям. На культ героев и их могил, на соревнование языческих общин — иметь у себя их останки, на торжественные перенесения этих надежных «патронов» общин, ссылаются, как на достойный подражания пример, многие отцы ранней церкви. Одно наблюдение — пусть произве-

денное уже в условиях известной априорной предпосылки — должно было особенно поразить чувство: нетленность некоторых святых тел. В связи с этим рождается теория Григория Нисского, Григория Назианзинского, бл. Августина и других учителей об особенной ценности подобных останков. Эти «сокровища высокой цены», хотя «по природе своей созданы из той же материи, имеют преимущества перед другими телами, которые в обычной смерти подлежат разложению...» «Тело мучеников является достойной и незапятнанной их оболочкой, которая никогда не посрамила своими плотскими страстями живущей в ней души...» «И так как в нем так много лет жила праведная душа, и так как оно было ее орудием, то в теле святого, даже после того, как душа его покинула, живет некая сила». Отсюда уже только шаг к мысли, что «святые тела, когда им молятся или касаются их, могут совершить то же, что и сами святые души...» Тело мученика становится чудотворцем, источником особой силы, почти материальной, источником некоего «флюида», которым пропитывается все его окружающее, которым исцеляется и спасается прикоснувшийся к нему. В его церковной форме это учение предполагает порыв веры и молитвы со стороны ищущего благодати; в его суеверном отражении «святые останки» становятся талисманами, которые действуют помимо воли, часто вопреки желанию спасаемого, иногда к его прямому ущербу. Известна меровингская легенда о хроме, который жил своим убожеством, собирая большую милостыню. Но вот к диоцезу, где он скитался, приближаются мощи великого чудотворца. Калека пускается в бегство, чтобы уклониться от исцеления. Однако, он не успел дойти до границы диоцеза, как мощи вступили в него, и исцеление совершилось, к великому огорчению облагодатствованного, который лишился средств к пропитанию.

Вульгарная вера быстро пробивала брешь в ограде более строгого и чистого церковного мирозерцания. В церкви мучеников останки чтимого тела, бережно собранные его

почитателями, погребались вместе с кровавыми покрывалами, с пропитавшеюся кровью землею и песком, потому что плоть мученика, как и всякого христианина, должна была, по возможности в цельном виде, ждать своего воскресения. В этом смысле она была неделима и неприкосновенна. Однако, уже в IV веке, под давлением желания многочисленных паломников и церквей — запастись подлинными реликвиями, и вопреки прямому запрещению Феодосиева законодательства: «Никто да не разносит на части (собственно, не «растаскивает»: *distrahat*) мученика», города и деревни начинают «делить драгоценные сокровища...» «И я, прибавляет сообщивший это автор, получил часть благословенного дара». Исходя из все больше укрепляющейся теории, что в «малейшей частице тела мученика» присутствует вся полнота благодати, начинается бесконечное дробление чтимых тел, разнесение их по церквям, добывание их в частное пользование.

Западная церковь дольше удержалась от соблазна разнесения на части мучеников. Неприкосновенность их тел, при меньшей, чем на Востоке, жажде реликвий, защищена была на несколько веков верою, что не только тела, но и все связанные с ними предметы проникнуты той же силой целительной благодати. Объектом раздачи верующим стали эти предметы. Когда в 519 году некий Юстиниан, царедворец императора Юстина, просит для построенной им в Константинополе базилики реликвий св. Петра и Павла, «согласно греческому обыкновению», папские легаты отклоняют просьбу в этой форме и удовлетворяют ее «по римскому обычаю», послав часть оков св. Петра и решетки св. Лаврентия. Папа Григорий Великий вынужден, в довольно резкой форме, отклонить «неисполнимую» просьбу императрицы греческой, Константины, которая желала получить голову апостола Павла. «В Риме и вообще на Западе считают недопустимым святотатством тревожить тела святых». Папа находит очень удивительным греческий обычай и указывает на то, что в Риме желающие полу-

чить реликвию довольствуются тем, что кладут на гробницу платок, который затем творит такие же чудеса, как и гроб, на котором он лежал. Григорий Турский подтверждает то же обыкновение, сообщая по этому поводу очень любопытные подробности. Принесенный плат, — который предварительно взвешивали, — оставляли на некоторое время на гробнице и затем вторично клали на весы. Если тяжесть увеличилась это служило знаком, что плат впитал благодать из святой гробницы. Можно спорить о том, является ли более одухотворенным подобное представление о весомой благодати, сравнительно с «греческим обычаем». Оно надолго оказалось более благоприятным для целости самых гробниц. На этом пути создался целый ряд обыкновений, более удовлетворяющих чувству святого и отчасти чувству изящного. На Западе, в качестве реликвий, долго преобладали части покрывал мертвых, зеленые листья и цветы с гробниц, вода из источников их церквей, свечи, зажженные от огня их лампад, и елей, горевший в этих лампадах. В крошечных фиалах (ампулах) и лампочках, более или менее изящной формы, разносили паломники по своим путям эти «источники света» от чтимых саркофагов. В них как бы горела пламенная душа исповедника, красиво и свободно воскресая, хотя бы на далеком пространстве, в тонком сердце огня. Особенную ценность получали свечи, зажженные у таких источников, которые считались загоревшимися нездешнею силою: от «святого света», сходявшего по общему верованию с неба, в Иерусалиме, в пасхальную ночь, или от горевшего «неугасимым светом» светильника перед гробницей апостола Фомы. Любимыми реликвиями палестинских путников стал фиал с иорданской водой и пальма из иерихонской долины. С нею странник, вернувшийся на родину, входил обычно в свою приходскую церковь и ставил ее к алтарю.

То, что до IV века было тайным запретным почитанием, с победою христианства становится всеобщим торжественным обычаем. Церковь с гордостью подсчитывает

свои сокровища, производит смотр полкам своих героев, своих святых и исповедников. Когда религиозное рвение Константина и Елены возвратило Иерусалиму его имя и честь святого города, вместо языческого имени Элии Капитолины, открыло пещеру гроба господня и холм Голгофы, когда на горе Елеонской и на вершине Сиона засияли базилики, одетые торжественным искусством века Флавиев, когда «от Дана до Вирсавии, с библией в руках, обошли Палестину и установили памятные места священной истории ветхого и нового завета», туда двинулись дружины путников, охваченные «любовой жадой видеть» (*cupido visendi*). Долина Нила стала вторым притягательным местом. Но для западных путников все больше выдвигался, в качестве «великого паломничества» (*peregrinatio maior*), Рим. Начиная с того дня, как здесь обезглавлен был князь апостолов, в Риме не переставала литься кровь мучеников. Его земля изрыта была катакомбами, которые приютили их могилы, и в периоды гонений, как и в эпохи отдыха, под их сводами толпились почитатели, покрывая приветствиями и молитвами стены темных корридоров. По этим начертанным молитвам впоследствии исследователь подземного Рима ¹⁾ смог найти потерянный ключ к самым славным гробницам. Счерчивая обращения и призывания и учитывая их густоту, он «по возрастающему жару молитв» ощущал, что он у цели. Дороги и очаги, которые с таким трудом восстановил ученый археолог минувшего века, были хорошо известны римским христианам в эпоху гонений и стали открытыми местами торжественного почитания всего западного мира, с началом Константиновской эпохи. Вслед за римскими святынями продвели чудесами гробницы Галлии, пещеры Калабрии и Сицилии, обители северных островов. Вскоре Моза и Рейн присоединяются к торжественному списку со своими ирландскими, англосаксонскими, а впоследствии и чисто-германскими очагами. В IX веке

¹⁾ Джованни Баттиста де-Росси.

в Испании открывается новое святилище огромной притягательной силы. История апостола Иакова старшего (сына Заведеева, который был казнен в Сирии в 44 году), начинает рассказываться в Испании в том смысле, будто апостол в своих странствиях дошел до Испании, и мученическая смерть постигла его здесь, в городе, который он сам заранее указал. Повидимому, испанская форма имени Жакомо-постоло определила имя Компостелло, городка, возникшего около церкви, где положены были чудесно «открытые» мощи. Но более поздний этимологический миф делает виновницей этого открытия звезду (*stella*), осветившую место мощей, и объясняет имя города, как «поле звезды» — *campus stellae*. Уже с середины IX века святилище сделалось «Христианской Меккой» и видным соперником Рима, затмевая славу большинства запиренейских центров паломничества.

«Точно пчелы, вылетающие из улья» и тянувшиеся на цветущие луга, собирались ко всем этим святыням пилигримы разных стран. «Толпа спешивших сюда в праздничные дни не имела конца, и дорога походила на путь к муравейнику, по которому одни проходят, а другие уступают им места». Точно «живое море», гудела и шумела толпа проходящих, сменяясь местами и пробираясь вперед, чтобы прислушаться к похвальным речам, произносившимся на могиле. Приходившие бросались ниц перед гробницами, целовали их, проливали слезы почтения и печали, молили мучеников о помощи. «К ним прибегает несчастный, к ним идет счастливый: один — чтобы найти исцеление от своих страданий, другой, чтобы просить о сохранении счастливой доли». У гробницы святого Траяна «молились бесноватые, лихорадочные и другие больные и уходили, получив полное здоровье». Чувства, воспоминания и обычаи языческого культа героев воскресали в этой пестрой, наивной толпе. Исцеленные, в знак благодарности подносили святому и подвешивали к гробнице серебряные, золотые и восковые изображения излечившихся членов: рук.

ушей, глаз. Разнесенные от гробниц предметы заменялись новыми, вновь проникавшимися благодатью, по представлению верующих. В месте своего пустынножительства святой Медард Суассонский построил ораторий из дерева, покрыв его ветвями. Ветви эти считались лекарством от зубной боли: «из них делали заостренные палочки, и они приносили исцеление». Скоро вся кровля была разнесена, но исчезнувшие ветви заменили свежими, и они служили, как и раньше. Для чувства, жаждавшего чуда, оно являлось почти неизбежно. Страннические толпы разносили удивительные рассказы, секретари святых мест составляли реестры чудес. В них, как и в народных повествованиях, чувствуется часто преобладающий интерес не столько к выходящему за пределы естественного явления, величию самой действующей силы, сколько к факту «удивительного спасения от бед или болезни»... В них более всего ценится «действенность святой гробницы, в качестве некоего курорта» ¹⁾. Составлялись систематические описания циклов святилищ, дорожников к ним — «итинерариев», перечислений их чудес, — «мирабилиев». Церковные деятели, заинтересованные прославлением своих сокровищ, инспирировали в этом смысле целые школы хроникеров и полки певцов-жонглеров. Эти школы соперничали друг с другом, как соперничали и сами святилища. Мы научились в настоящее время по определенному ряду признаков распознавать летописи, сложившиеся в Монтекассино, от летописей Лиможских, хроник святого Дионисия Парижского и святой Геновефы, «песни о подвигах» — *chansons de geste*, сложившиеся на путях к святому Якову Компостельскому, от тех, которые формировались на дорогах к Альпам и Италии. Невидимая рука, направлявшая, а в отдельных случаях, может быть, и подкупавшая перья летописцев и голоса певцов, невидимая душа святилища, манившая паломников на свои пути, определяла намеренно, а еще чаще,

¹⁾ См. Bernoulli, *Die Heiligen der Merowinger*, стран. 287.

бессознательно подбор фактов, и тон рассказа. Хроникер святой Геновефы, писавший во время великого парижского наводнения 1206 года, знает, как утишила взбунтовавшуюся стихию парижская дева, чьи мощи вышли в процессии с левого берега и чудесно прошли по гибнущему мосту. Хроникер святого Дионисия расскажет, как то же чудо совершил парижский патрон... Он ничего не знает о вмешательстве святой Геновефы. Путников, направлявшихся в Апулию, к Гарганской скале архангела Михаила, задерживал, являясь им в видениях, святой Бенедикт: он звал паломника и недужного к себе, в Монтекассино и обещал, и давал исцеление, прежде чем его смог осуществить ангел.

В соперничестве Монтекассино и Монте-Гаргано сказала, впрочем, не одна только конкуренция соседних святилищ. В глубине его коренилось столкновение двух существенно различных оттенков религиозного чувства.

Здесь не место останавливаться на существе своеобразной легенды архангела. Она дана была апокалиптическим видением борьбы Михаила с драконом и апокрифическими рассказами о низвержении им Сатаны в преисподнюю. Этот основной драматический мотив, в связи с общим стремлением библейского мифотворчества придать натуралистический смысл образам ангелов, стал началом бесчисленных и ярких западных легенд о св. Михаиле. Ангел стал являться над расселинами утесов, над морями и озерами («безднами вод»), показываться в громе и молнии. Западный миф приписал ему «врожденную любовь к горам», сделал его создателем нерукотворенных храмов на высоких скалах и пещерных церквей. Уже к концу X века Апеннины, как и Пиренеи, Вогезы, как и Арденны покрылись, святилищами и урочищами св. Михаила. Два из них, в особенности, стали притягивать многочисленные толпы богомольцев. То были пещерная церковь в Гарганской горе над Адриатическим морем и святилище св. Михаила над

морской пучиной, на берегу Бретани, на границе с будущей Нормандией.

«Есть вершина скалистая, —

так повествует о нем впоследствии поэт XIII века.

« — Дивного образа церковь

« Там в высоте вознесла христолюбцев священная ревность.

« Ангельским вещим решением ту церковь великий архангел

« Сам Михаил освятил и своею сделал святыней.

« Служит в обители ангельской братия верных монахов.

« Прямо до неба взнеслась и виднеется издали церковь.

« Ведомы бриттам те сроки, в какие подходит

« Море к священной скале и опять отливает обратно.

« Знают они, что прилив сокращается с лунным ущербом

« И остается дорога к святилищу долго свободной»...

Бесконечно разнообразны были западные сказания о св. Михаиле, как и естественные чудеса ущелий, водопадов, лесов и каменных хаосов вокруг его горных церквей. Но при всем разнообразии, в них устойчивы некоторые общие черты. Это возвышенный спиритуализм легенды, грозно-величавый ее характер, который делает образ архангела более далеким от человеческого мира, чем родные полки святых «мучеников и исповедников». Ангел не любит «тяжелого человеческого духа». Он редко является живым, показываясь лишь обреченным на смерть. Так как он живет в вечности и не имеет земного бытия, то он никогда не оставляет по себе настоящих материальных следов. Поэтому его храмы пусты: в них нет священных гробниц и «подлинных реликвий». Отсюда, после всего, что мы говорили выше о культе реликвий, становится понятным особый характер его почитания и особый подбор шедших к нему паломничеств. Очень замечательно, что, с одной стороны, ни один из ранних списков не ввел его святилищ в круг «великих паломничеств». С другой, совершенно наоборот: мы имеем итинерарий одного монаха IX века, «Бернарда с товарищами», который не посетил ни одного из лежавших на его пути религиозных оча-

гов, к р о м е трех святилищ Архангела. Наконец, в XIII веке мы наталкиваемся на дорожник, который ставит значение Монте-Гаргано наряду с Римом, Иерусалимом и св. Марком венецианским.

Исход из этих противоречий напрашивается сам собою. Культ святого Михаила не мог стать в такой же мере популярным, как почитание земных святых. Заманивая (иду-щих в Монте-Гаргано) путников к горе святого Бенедикта, монтекассинский хроникер постоянно подчеркивает, что здесь исцеления совершаются у подлинных реликвий, «около святого, святейшего, драгоценнейшего его тела». Подобного «бесценного сокровища» не имела скала св. Ми-хаила. Для чувства среднего человека «князь ангелов» должен был отступить перед «отцом монахов». Доводы служителей св. Бенедикта бывали неотразимы, когда они показывали мощи своего патрона и множество оставленных им «памятных следов». В них, осязаемый для взора и ося-зания, находился «источник спасительной благодати». Тогда как там, на скале над Адриатическим морем, только оттиск ступни говорил о схождении ангела и, может быть, в звоне водяных капель святой струи слышался иному, тонкому уху нездешний голос. Не всем доступно было величие простой и бедной церкви, где «на алтарь не возлагалось никаких приношений», и откуда нельзя было захватить никаких подлинных реликвий, официально зарегистриро-ванных следов прикосновения к мирам иным. Духовная золотая середина, где трепетное мистическое чувство без-надежно переплеталось с плоским религиозным позити-визмом, была средой, благоприятствовавшей человеческой легенде, а отсутствие осязательных, привившихся в мире культового шаблона знаков и впечатлений окружило извест-ным холодом ангельские святилища. И вот мы видим, как недужный, безуспешно искавший помощи у князя ангелов, обращается с своими просьбами к домашнему молитвеннику, чья могила устроилась на той же горе. Мы видим аббатов обителей св. Михаила в странствиях за «подлинными» релик-

виями, чтобы оживить притягательность своих очагов. Легенда св. Михаила могла волновать целые поколения, но для полного успеха в массе ей приходилось приспособляться, переживать своеобразный «мимикризм». В центрах его культа рядовой паломник не находил видимого носителя благодати, — а за ее запасами он шел к святым местам, — и ему чего-то не хватало в пустых ангельских гротах и базиликах.

Но с наступлением XI века определились новые течения, среди которых с особенною силою расцвел культ архангела, и поднялась посещаемость его святилищ. Обстоятельствами, содействовавшими этим течениям, были: выступление на историческую сцену норманнов и зарождение крестоносного одушевления в Европе.

Уже старые викинги, проходя свой обычный путь в Атлантический океан, должны были миновать святилище архангела, возникшее на границе Бретани в VIII веке. Выступившая в море вершина с горной церковью на ней, «видимая издалека» и точно направлявшая, под светом луны, приливы и отливы океана (см. выше стран. 32), не могла не производить сильного впечатления на путника, хотя бы он был язычником и поклонником Вотана.

Однако, с началом X века сильная норманнская группа, под предводительством Рольфа-Роллона, стала владычицей северного берега Франции, а поклонники Вотана сделались христианами. Святилище архангела вошло в круг их власти и стало обозначаться, как находящееся «на границе Нормандского пага и Бретани».

Оно сделалось центром крупной религиозной амфикинии, члены которой тянулись с обеих частей прилежащего французского берега. Для чувства новых прозелитов христианской веры должен был оказаться необычайно притягательным образ воинственного ангела. Его драматическая легенда, его суровые боевые черты, его связь со всеми яркими стихиями природы, бурями и молниями, и особенно океаном — он был его божественным хозяином

на вершине скалы над морской пучиной — все это должно было глубоко волновать и пленять душу вчерашнего поклонника бурных северных богов и вечного бродяги по морю. Культ святого Михаила должен был еще больше укрепиться, когда, отправившись в странствия на Восток, норманнские воинственные мореходы обогнули Апеннинский полуостров, и в Адриатическом море на их корабли упала тень от старейшей скалы св. Михаила на Монте-Гаргано. Здесь вскоре началась вторая славная часть норманнской эпопеи. Здесь, призванные местными жителями на помощь против сарацын, они открывают ряд новых подвигов, и в битвах с «неверными», под призыванием имени архангела, уже звучат лозунги религиозных войн. В этих событиях в истории средневековой Европы открывается первая страница крестовых походов.

Когда, в результате борьбы с сарацынами, южная Италия, как раньше северная Франция, подпала под власть норманнов, в кругу владычества этого племени оказались обе скалы святого Михаила: та, которая высилась над Ламаншем, и та, которая стояла над Адриатическим морем. Для итальянских норманнов Гарганский утес, а для северно-французских странников того же племени обе архангеловы вершины оказались на пути в Палестину. Норманнский пилигрим ко гробу господню непременно становится по дороге на Восток гостем воинственного ангела. Его культ должен бы получить новую жизнь, когда самые паломничества в Палестину, в силу изменившихся условий, все больше начинают приближаться к воинственным или, по крайней мере, защищенным оружием предприятиям. Эти изменения в истории паломничеств произошли постепенно.

Относительно долгим был просвет, который дало Европе господство Каролингов ¹⁾. Правда, их усилий едва хватало,

¹⁾ Следующие ниже несколько страниц, до конца главы, заимствованы нами из нашей книги, «Эпоха крестовых походов».

чтобы охранять мир на Севере. Их флотилии не без труда справлялись с задачей держать сторожевую службу у северных берегов Франции. И все же обаяние имени Карла Великого и паспорт, скрепленный печатью государя из дома Каролингов, оказывали некоторую защиту западным странникам. С 800 года нововенчанный император Запада, Карл Великий, стал официальным патроном Палестины, получив в виде почетного дара ключи св. гроба и знамя города Иерусалима. Снова в святом городе растут латинские учреждения: обитель на горе Елеонской, женский монастырь подле св. гроба, обширная франкская колония на «поле крови», где воздвиглась базилика, странноприимный дом и библиотека, и основался рынок. Все эти учреждения поддерживались доходами с виноградников, полей, садов и мыз в Иосафатовой долине. Возобновляется движение посольств, грамот, милостынь. С ними ширится и поток паломничеств. Странническая тяга побеждает косность неподвижных привычек жизни, снимает с насиженных мест епископов, как Конрад Констанцский, аббатов, как Фульк, настоятель Флавиньи, Иоанн Монтекассинский, знатных женщин, как Юдифь, невестка императора Оттона, Гидда, графиня Швабская, простых монахов, как «франкский инок Бернард» с товарищами. Видеть святые места, в прозрачной иорданской струе утолить жар сердца, разгоряченного «любовной жаждой», сломать пальмовую ветвь в иерихонской долине, унести подлинную реликвию от гроба господня: «осколки камня его пещеры, кусочек крестного древа, свечу, загоревшуюся нездешним светом в пасхальную ночь», видеть с высоты Синая «неизреченную славу божия величия» — таковы были стремления, заставлявшие пренебрегать опасностями «бурных морей, высоких гор, суровой яростью диких народов». Греза влекла за моря. На земле самой романской Европы, начавшей, по выражению бургундского монаха Глабера, «покрываться белым одеянием церквей», эта греза вызывала из земли множество воплощений — круглых «храмов св. гроба». Вновь созда-

ваемые церкви наполнялись реликвиями святой земли; в них верные прикасались к «залагам» (*pignora*) нездешней святыни. «Отовсюду — и из Иерусалима и из Британии — открывалось видение небесного чертога»...

Страннические толпы двигались со всех сторон. Самыми подвижными в них элементами были норманны и англосаксы. Они пускались в путь в весеннее время, часто проводили в Риме зиму и «с концом весеннего времени, светло озарявшего весь мир, поднималось и двигалось дальше бодрое войско». По словам Беды, в его время совершать паломничество в Рим и, очевидно, во многих случаях, следовать дальше в Палестину — стало обычаем англов, «знатных и простых, клириков и мирян, мужчин и женщин». Французские путники оставили меньше следов в летописных памятниках, зато на этапах их дороги в Испанию, Италию и на Восток распустился пышный цвет сказаний и песен, собравшийся впоследствии в венок *Chansons de geste* вокруг имени Карла. Темп паломничеств все учащается в конце X и первые года XI века. Сарацынская гроза на морях становится менее давящей. Пираты втягиваются в круговорот хозяйственной и культурной жизни, правильного товарообмена. В самой Палестине владычество арабов утратило свой враждебный христианству облик. Раны, которые нанесли ему 11 лет (1009—1020) террора, поднятого полубезумным Хакемом (в эти годы разрушен был храм св. гроба, срыты до основания базилики Флавиев и сооружения Карла Великого; христиане подверглись жестоким гонениям и унижениям), эти раны в значительной мере были залечены с новым поворотом политики халифа, столь же необъяснимым, как и первый. Однако, эти годы положили конец латинскому протекторату над святой землей. Наследство Каролингов, потерявших престиж на самом Западе, уже ранее подбирала окрепшая с победами Никифора II и Цимисхия Восточная империя. Латинский авторитет отступал в Сирии и на морях. Греческие императоры возвращают христианству Кипр и

Антиохию, Эдессу, Кесарию и Назарет. Казалось, близок был час освобождения самого Иерусалима.

Во всяком случае, события, наносившие урон самолюбию западного священства, как и царства, не отразились прямо на западных паломничествах. Людовик или Никифор, христианский государь-патрон святого гроба, казалось, обеспечивал всем единоверцам спокойное пребывание в Иерусалиме. Соперничество греческой и латинской церкви стало неблагоприятно ощущаться пилигримами только в годы, последовавшие за их официальным разрывом (1054 г.). Уже в 1055 году его следствия испытал на себе святой Льетберт, епископ Камбре. Неприятности и затруднения, какие при его проезде через Кипр чинил ему византийский катапан, заставили его отказаться от мысли посетить Иерусалим.

И несмотря на все, любовная жажда видеть святыне места, наряду с иного рода причинами, бросавшими население на большую дорогу и усиливавшими размах странничеств, разрасталась в настоящее пламя, которым в XI веке все сильнее горел Запад. Нелегкой задачей является в этом случае учесть действие вышеупомянутых «иных причин». Многим из прежних историков рисовался тут несколько упрощенный образ все сгущающейся атмосферы несчастья на земле Европы и, в особенности, Франции: грозные, притом все учащающиеся в XI веке голодовки; их спутники — моровые язвы; особенно многочисленные накануне первого крестового похода «небесные знаменья»; отсюда — чувство отчаяния, острого ужаса, сознание греховности и, как выход, «путь за море» (*iter transmarinus*) с его надеждой на перемену, с его покаянным, спасительным смыслом.

Голодовки и засухи, страдания от грозных эпидемий и суровых зим, которые так часто приходилось переносить в эти века неустроенности материального быта, могли, конечно, повышать возбудимость измученных и потрясенных нервов. Охваченный огнем нездорового возбуждения, разгоряченный мозг открывался бреду: кошмару или слад-

кому, блаженному видению. Душа, напуганная стихийными ужасами окружающего, утрачивала доверие к собственной силе; бедная опытом мысль уже не улавливала развертывающейся в природе цепи причин и следствий. Она раскрывалась для восприятия чуда, и чудо являлось в виде внезапного бедствия или избавления, в виде вещего знамения. В анналах, отмечавших годы, предшествовавшие первому крестовому походу, записано особенно большое число этих вещих знамений. Они идут, как будто сгущаясь. Грозный хор растет, как морской прилив. Кровавые небеса, зловещие солнца, затмения луны составляют все усиливающийся аккомпанимент наводнений и засух, и симфония завершается аккордом: «1096 год. В первый день апрельских нон было видно, как почти все звезды бегут, точно пыль, когда ее несет ветер. Это продолжалось от пения петуха до зари, и христиане всех стран двинулись с оружием в руках в Иерусалим». Этот аккорд, конечно, не подготовлен сознательно. Но в общем впечатлении есть нечто искусственное. Ничего необычного по силе или по темпу не происходило в описываемые годы. В настоящее время мы лучше средневековых хроникеров понимаем явления природы, но мы мало их наблюдаем. Хроникер XI века совсем не понимал их, но постоянно наблюдал. Он мало спал ночью. Часто до пения петуха совершал он свои бдения и ночные процессии. Он знал, что творилось на небе. Даже и в монашеском облачении, он был еще хозяином-земледельцем, и небо с кровавыми отсветами, росами и засухой было господином его быта. Мы не должны удивляться, что в поле его зрения и на страницах его анналов занимают такое место падающие звезды и лунные затмения. Но мы и не должны обманываться его показаниями: нужно думать, что на небе и на земле во вторую половину XI века все обстояло приблизительно так же, как до или после. Иначе обстояло оно в человеческой душе.

Во всяком случае, не из душевного угнетения, но скорее из ее творческого возбуждения должны мы вести уси-

лившуюся в XI веке странническую тягу. Не отчаяние снимало с мест большинство путников, но вера и радость. Трудно поверить, чтобы материальные условия жизни были хуже в XI, нежели в X веке. Наоборот, после полутора века норманнских опустошений, когда, осев на земле, превратившись в герцогов и графов новой Европы, вчерашние разбойники стали «по веревке измерять землю» и льготами звать на нее насельников, — началась интенсивная работа над одичавшей землей. Восстанавливаются пути сообщения, возникают и обстраиваются города, топор земледельца врубается в чащи, и в лесах возникают новые свободные деревни. Всюду чувствуется кипение жизни. И если монастырская литература, в частности, клюнийская хроника, подчиняясь основной задаче призыва к повышенному идеалу «духовной жизни», одевает действительность в темные цвета, то они часто принадлежат изображению, а не оригиналу. Подъем, а не умирание характеризует проснувшийся к новому бытию век. Этот подъем, «как и всякий рост, не осуществляется без страданий», но это не агония смерти, а муки рождения.

С этим общим расцветом, несомненно, находится в связи указанное выше явление усилившихся страннических движений, учащающегося темпа паломничеств. Новые, указанные нами выше препятствия, какие ставились на их дорогах, не остановили пилигримов. Они изменили форму паломничеств. Рядом с одиночками и небольшими компаниями товарищей, все чаще появляются настоящие вооруженные дружины или тысячные массы, сопровождаемые вооруженными отрядами. Они стали направляться дунайской долиной, где легенда сделала их предшественником самого великого Карла. Стысот странников отправилось в 1026 году под главенством Ричарда Ванского и под прикрытием отряда всадников. В следующем году той же дорогой прошло паломничество графа Анжуйского, епископов Лиможского и Пуатевинского. В 1035 году, во главе «множества своих подданных», ко гробу господню явился

Роберт Дьявол... Через тридцать лет Альтаихская летопись рисует движение огромной дружины немецких пилигримов. Более двенадцати тысяч человек, которыми руководили епископы Гюнтер Бамбергский, Зигфрид Майнцкий, Оттон Регенсбургский, Вильгельм Утрехтский, вступили в Венгрию, вызывая в городской и деревенской бедноте блеском своего убранства и богатством обоза удивление, зависть и жажду грабежа. В Сирии им пришлось выдержать несколько стычек с бедуинами, в описании которых обнаруживается, что большая часть дружины шла по обету без оружия и вынуждена была защищаться камнями. Только меньшинство могло меряться с нападавшими равным оружием. Венгрия привыкала видеть на своей земле огромные массы людей, которые полвека спустя получают имя крестоносцев. Недавно крещенные ее короли возводили госпиции, заключали договоры по снабжению припасами армии «божьих странников». В Константинополе начинали присматриваться к физиономии «франков», учитывая пользу или вред, какие они могли принести Византии. Так определялись путь, этапы и средства многолюдных странствий на Восток. Уже частично одетые броней, это все еще — мирные паломничества. Они обвеяны светлым воздухом и нашли идеальное отражение в поэме о странствии Карла Великого. В этом сказании император ведет за собою огромную свиту рыцарей, множество подданных, слуг и вьючных животных. Но эта армия не ставит задачей завоевать Иерусалим. Ни в святой земле, ни по пути к ней герои поэмы не предвидят возможности сражения. Сам Карл не одет и не вооружен для битвы. Патриарх является единственным хозяином города, куда странники свободно входят, строят церкви, возлагают дары на алтари. Изображение рисует идеальный мир, не соответствует никакой исторической дате и никакому субъективному восприятию реальных событий. Со времени арабского нашествия христиане не могли помириться с тем положением, какое создалось в Палестине. «Ничто не могло заставить забыть,

что Иерусалим — в плену и в руках неверных». Но если, как думает исследователь поэмы, вся картина свободного и независимого Иерусалима построена на контрасте с печальной действительностью, мы имеем право предположить, что все-таки из подлинных красок быта должны были быть заимствованы самые подробности грандиозного странствия-исхода, когда как будто весь Запад со своим императором в ширящемся движении, подобно многоводной реке, плывет к подножию Ливанских гор.

Нашествие турок насильственно остановило эту стихию.

Это было время, когда выработался известный канон паломничеств, их главные направления, обряд отправления в путь и поведения в нем, условия и обычаи странствий.

IV

Список главных путей западных пилигримов, того, что называлось «великими паломничествами» — peregrinationes maiores, при известных колебаниях и вариантах, представляется в следующем виде. Все каноны peregrinationes говорят о Риме и Иерусалиме. Подавляющее большинство северо-западных и в особенности французских (мы уже не говорим об испанских) упоминает святого Якова Компостельского. Весьма многие называют эфесскую гробницу апостола Иоанна, реликвии апостола Марка в Венеции, бесчисленные константинопольские святыни, мощи св. Николая в Бари. Во всем западном мире пользуется огромным вниманием «святейшее, бесценное» тело официального основателя западного монашества, св. Бенедикта Нурсийского, а в заальпийских кругах — его фактического инициатора, св. Мартина Турского. В несколько особом кругу религиозных представлений и паломнических дорог стоят святилища — все на утесах или над морями, все лишенные подлинных реликвий, в виду отсутствия земного бытия их святого героя, святилища архангела Михаила. За этим списком, на Востоке и на Западе можно было бы

указать десятки очень авторитетных и сотни авторитетных очагов, носивших уже скорее местный характер, только по каким-нибудь специальным причинам в отдельные периоды привлекавших путников издалека. Неодинакова была в разные периоды притягательная сила гробниц кельнских «волхвов», лиможского Марциала, реймского Ремигия, ирландских святых, германских епископов и миссионеров, южно-итальянских анахоретов, клюнийских аббатов-чудотворцев, великих крестоносцев, «чистых дев» и «святых королей». В иных местах их останки считали тысячами осязаемых предметов. Этот умножавший нули эсталаж более поздней религиозной коммерции во многих случаях не мог пленить народного чувства, шедшего в своем выборе за какими-то более глубокими, не всегда поддающимися определению мотивами и побуждениями. Среди этих мотивов, определявших популярность паломничества, известную роль играли и чисто-практические соображения: проторенность священной дороги, совпадение очага паломничества с жизненно важным центром. Чтобы ограничиться одним простым примером: в порядке чисто-экономических и политических фактов лежит ответ на вопрос, почему в позднее средневековье мы почти ничего не слышим о движениях латинских путников в Африку и Нильскую долину, движениях, которые некогда были столь популярны и наполнили французские сакристии лампочками с елеем египетских гробниц и фиалами с кровью африканских мучеников.

В огромном, однако же, числе случаев житейский мотив оказывается второстепенным по значению и даже вторичным во временном порядке: святилище, возникшее в глухом и мало посещаемом месте, очеловечивает окружающую страну, приспособляет к себе дороги и тропинки, создает вокруг поселение, труд и гостеприимство. Гробница святого Дионисия и горная базилика святого Михаила предшествовала ярмаркам этих мест, и купцы явились сюда вслед за паломниками. Только в самом общем виде направление паломничеств обуславливалось существо-

ванием готовой дорожной сети, поскольку сами герои религиозных легенд руководились в своих исканиях теми же основными магистралями жизненного круговорота Европы, лишь на известные расстояния удаляясь от них вглубь. Эти относительно небольшие расстояния, эти короткие, хотя иногда глухие и опасные пояса предстояло преодолеть рвению первых паломников, смелых энтузиастов нового культа. Для их преемников дороги уже бывали пробиты, и паломничество входило в круг обычных эпитимий. В ряду больших дорог к знаменитым паломничествам мы различаем такие, которые нашла или восстановила инициатива средневековых странников, и такие, в которых им только пришлось слегка поддерживать наследство, полученное от античности.

В этом кругу новыми были пути по морям и великим рекам, какие проложила смелая воля скандинавских мореходов¹⁾. По главной своей цели они получили характерное имя «иерусалимского пути» или «пути паломников»: *Jorsalavegr* и *Palmavegr*. Их отдельные направления носили соответствующие имена «восточной дороги» (*Austrvegr*), «западной» (*Westrvegr*) и «южной» (*Sudvegr*). Первая — особенно близка нам, потому что она пробежала через нашу страну. То был хорошо известный начальной русской летописи «великий водный путь из Варяг в Греки».

Для норманнов он явился древнейшей связью с Востоком. По этому пути рано выросли «варяжские» колонии, где северные странники могли найти людей, говоривших на их языке, и храмы, где они могли молиться по своему закону. После короткого перехода по Балтийскому морю норманнские корабли причаливали к «оку Балтики», острову Готланду, где их стоянкой был город Висби, уже в XII веке застроенный церквями, многие из которых воздвигнуты на средства и по инициативе северных пилигримов. Зве-

¹⁾ См. R i a n t — „Expeditions et pèlerinages des Scandinaves en terre sainte au temps des Croisades“. Paris, 1885.

здой этих церквей, самым чтимым святилищем острова был храм его просветителя, святого Олафа. «В первое время — говорит один шведский хронограф — Готланд не имел своего епископа: их очень много проезжало через него, направляясь в святую землю Иерусалима или возвращаясь оттуда. Потому что в то время в Иерусалим следовали восточной дорогой через Россию и Грецию. И вот, епископы по пути освящали церкви и кладбища, по просьбе тех, кто их здесь основывал».

Ранняя русская летопись хорошо запомнила их дальнейший путь, а в южной части его описал подробно Константин Багрянородный: от Ладоги и Новгорода на Ильмень и Ловать, к лесистому краю, откуда берут начало почти все русские реки, и где путники «волоком» тащили свои суда; дальше по Днепру, мимо Смоленска и других русских городов, до «крепости», Киева, где они запасались новыми снастями, чтобы, собравшись в июне месяце «в крепости Витичеве, которая им принадлежит», — готовиться к опасному спуску по Днепровским порогам. От его устья путь вдоль западного берега Черного моря, с остановками у прибрежных портов, был ясен до самого Константинополя. Об этом пути много говорят хроники и саги. Гораздо реже упоминают они другую, тоже использованную северными путниками дорогу по Дону. Клады указывают в России еще один путь варягов. Это был путь, обходивший Константинополь и ведущий на Восток по Волге и морю Каспийскому. Им пользовались северные купцы. Мы не знаем, ходили ли по нему северные паломники.

Константинополь имел значение для норманнских паломников не только, как станция в Иерусалим. Уже сам по себе он был «святым городом». «Он стал в их воображении на место золотого города Асов... и сказочные рассказы о блеске великого города, Mikligardr, заполняли северные досуги» ¹⁾. Оттуда шло все золото, которым укра-

¹⁾ Riant, стран. 68.

шался север, «червонное золото, золото императора». Оттуда приносили реликвии и ценные предметы для ризниц северных церквей. «Там стоит храм святой Софии, великолепнейший из всех храмов мира. Там хранится подлинный крест, там покоятся Филипп и Иаков, там ясли Спасителя»¹⁾. Дальнейший (морской, обычно) путь на Иерусалим очень точно прослеживается по сагам, и станциями, где останавливались на нем норманнские корабли, были те порты, которые служили стоянками варяжских гарнизонов на Пропонтиде, на Косе и на Кипре, с его гробницей короля Эрика. Акра обычно бывала местом свидания норманнских путников и концом «восточной дороги».

Она считалась и короче, и безопаснее западной, которая от берегов Скандинавии делала огромную дугу, огибая Францию, Испанию, проходя через Гибралтар, дальше между Сицилией и Африкой на Крит, на всем протяжении своем — мимо чуждых для норманнов людей и языков, среди опасностей бурного моря и под постоянной угрозой сарацынского ужаса. Более года требовало обычно это странствие, но оно еще с языческих времен влекло к себе дух «морских королей», дразня их страсть к приключениям и обещая добычу в богатых прибрежных портах и на сарацынских флотах. С переходом норманнов в христианство грабительские их предприятия в мавританской Испании и сарацынской Италии оделись ореолом священной войны. В этот путь, однако, не пускались одинокие и бедные паломники. Он стал излюбленной дорогой целых паломнических флотов, многолюдных, сильных, вооруженных — особенно в эпоху классического средневековья. Многочисленные дорожники, описавшие этот путь, указывают главнейшие его этапы и станции. Пройдя Северное море, с остановками у Ставерна и Гельдера, норманнские суда вступали в Ламанш, держали курс на Виссан (античный *Portus Icius*), общую стоянку всех кораблей,

¹⁾ См. выше стран. 13.

пришедших из Северного моря и немецких рек. Более специально норманнскими стоянками считались мысы Праль и Рац, у оконечностей Англии и Бретани, а также гавань Сен-Матье у обители этого святого, где странники ждали попутного ветра, чтобы в три дня достигнуть северного берега Испании. На этом участке океана их корабли проходили мимо скалы святого Михаила.

Испанское побережье неоднократно подвергалось разграблению со стороны этих воинственных паломников. Тудела была разорена Олафом, Цинтра подверглась осаде Сигурда Иорсалафара, Лисбона была им разграблена. Здесь кончалась христианская Испания, и начинался *Serkland*, «область сарацын», где уже без всякого удержу разыгрывались аппетиты и воинственная удаль божьих странников. Здесь у вражеского и «неверного» побережья им удалось захватить некоторые острова и стережь с них устье Гвадианы и Гвадалквивира. От этих стоянок суда следовали, приближаясь к Геракловым Столпам, так называемому *Njörvasund* — «тесному морю» северных сказаний. К узкому проливу, который сторожили скалы европейского и африканского берега и который связал Атлантический океан с Средиземным морем, приросло множество легенд и воспоминаний еще от тех времен, когда его волны бороздили суда финикиян до эпохи северных саг и крестовых поэм. Воспоминание о боге Мелькарте, разорвавшем скалистую преграду перешейка и расставившем утесы по обоим сторонам вновь образовавшегося пролива: образ солнца, разрывающего тучи, — было затем вытеснено аналогичной легендой Геракла. У «столпов» бросил будто бы в воду свой меч император Карл Великий, кладя предел дальнейшим завоеваниям ¹⁾. Итинерарий монаха Маврикия сообщает, что здесь в его время стояла огром-

¹⁾ Эту же легенду повторяют в отношении Св. Якова Компто-стельского — с равной, в обоих случаях, «правдоподобностью»: завоевания Карла не дошли до испанского юга и ограничились припиренейской полосой.

ная статуя Геракла, державшая в руке дубинку и ключ и повернувшаяся к Африке, точно хотела она сказать, что Кадикс — ключ Испании. Правой рукою она делала указующий жест на запад, в котором средневековые толкователи читали совет вернуться обратно. Каменный колосс, оберегавший входы в восточное море, произвел сильное впечатление на воображение скандинавов. Не раз его предупреждающий жест, на фоне тех бурь, которые разыгрывались у стен, разделявших два моря, побуждал их повернуть паруса и направить суда обратно на север. В 1014 году, когда флот святого Олафа ждал в Кадикском заливе попутного ветра, чтобы поставить паруса на Иерусалим, ему явился во «сне человек величавого и грозного вида» и велел ему вернуться. Этим более поздним рассказам о Геракловых столпах, ориентированным на изображение западного путника, можно противопоставить более ранние сказания арабских путешественников, очевидно, перепевы античных сказаний, согласно которым над проливом стояли три статуи полубога. Одна указывала на восток, приказывая средиземным мореплавателям вернуться; другая, с рукой, повернутой к груди, давала им тем самым знак остановиться; третья, вытянувшая руку в сторону запада, предупреждала об опасности грозного океана. Практически, для людей океана Геракловы столпы оказались маяками, не преграждавшими, но указывавшими им пути; и большинство норвежских флотов, перейдя Njögvasund (осенью, — если они прямо шли из Скандинавии, отплыв оттуда в мае, и весной, — если они перезимовали в одной из гаваней северной Испании), держали курс прямо на восток. Перед ними открывалось Средиземное море: Midjardarhaf, «Иерусалимское море» Jórsalahaf, где большие корабли останавливались только у Сардинии или Сицилии и на Крите.

Малые не решались пуститься в открытое море и держались берегов Испании и Франции, останавливались у всех лежавших на пути островов и, выждав попутчиков

в Мессине, собрав здесь вести о состоянии дорог и положении в Палестине, плыли дальше большими соединенными флотами, чтобы бросить якорь у Акры.

Всем памятен эпический рассказ монтекассинского хроникера, открывающий важную страницу в истории южной Италии о том, как одной из таких паломнических вооруженных групп пришлось вмешаться в ее судьбы. Отзываясь на приглашение жителей Салерно в 1016 году, на пути из Иерусалима те «нормандцы», в которых мы должны видеть офранцузившихся норманнских завоевателей северного побережья Франции, стали на защиту салернцев против сарацын и обратили в бегство их войско. Победоносный отряд не пожелал остаться в Салерно. И тогда его граждане отправили послов на родину своих защитников. «Они послали лимоны, миндаль, вареные орехи, пурпурные плащи, железные орудия, украшенные золотом, чтобы пригласить их соотечественников утвердиться в стране, производившей мед, молоко и все эти прекрасные вещи». Таково вступление в историю Роберта Гвискарда и нормандского владычества в южной Италии.

Если, как можно, повидимому, утверждать, морские пути на Восток открыты были, и средства передвижения созданы инициативой северных странников, — иной представляется история сухопутных дорог. Большинство путей, которые вели в Иерусалим, Константинополь, Рим, Компостелло, а также к ряду менее значительных паломнических, не были созданием средневековой Европы, но были ею получены в наследство от Рима.

В дорожнике Антонина Пьяченцкого, посетившего видные паломничества южной Европы и Сирии в конце VII века, отмечаются 372 дороги на пространстве прежней империи, охватывающие сотни миль пути. Из этих дорог 29 шли из Рима, имея отправным пунктом вечно открытые ворота Сервиевой стены. Для паломников получали особенное значение следующие римские пути.

На почве самой Италии — Аврелиева дорога, связавшая Рим с Генуей и подводившая к приморью, от которого отступали Альпы, как бы давая возможность этому пути продолжиться дальше в Домициеву дорогу, которая, обогнув Генуезский залив, уходила за Пиренеи. К ней-то примыкало несколько французских дорог, ведущих путников в Испанию к св. Якову Компостельскому.

Но для большинства северных пилигримов, стремившихся в Рим, гораздо важнее была Кассиева дорога, близко подводившая к Альпам через Ареццо, Лукку, Пизу.

В Пьяченце к ней присоединялись довольно поздно созданные шоссе, которые через горные проходы связали Италию с заальпийским миром. На этих опасных и трудных переходах сказалась вся мощь римской инженерной техники. Римские дороги, которые потом топтали средневековые паломники, перерезали смелыми прямыми линиями горные и равнинные области Европы, карабкаясь прямо на горы, подстилая в болотистых низинах мощные слои гравия. В гористых местах дороги избегали долин, держались середины склона, перекидывая смелые арки мостов над пропастями, пробивая туннели в скалах, если нужно, делая несколько петель вокруг горы. Обрамленные в сырых местах канавами, эти великолепные шоссе, в общем, представляются выуклыми, сильно приподнятыми над окружающей почвой. Строитель всегда разрывал ее, на сколько оказывалось необходимым, добираясь до твердого основания, если нужно, вбивая сваи. Уложенные на этом основании, чередующиеся слои песка, извести, тяжелых глыб камня, гравия и бетона заканчивались мостовой хорошо прилаженных тесаных каменных квадров или правильных многоугольников с широкими тротуарами для путников. На расстоянии каждых 5—6 миль (по крайней мере, в поясе на 100 верст от больших городов) поставлены были каменные скамьи для пешеходов, и на расстояниях 18—20 миль — каменные ступеньки для всадников. Они совпадали с короткими стоянками, которые на-

зывались «сменами», *mutationes*. Когда в 333 году из Бордо в Иерусалим ехал неизвестный странник, оставивший очень обстоятельный отчет о своем паломничестве¹⁾, он пересчитал и отметил все *mutationes*, которые проехал от Бордо до Базаса, от Базаса до Тулузы, Каркассонны, Нарбонны и Арля, Авиньона и Оранжа — и так дальше на протяжении всего пути. Не менее тщательно он отметил такие большие станции, *mansiones*, где он, по всей вероятности, останавливался, потому что их разделяло довольно значительное расстояние в 45 — 60 миль.

Заальпийский путник добирался до альпийских проходов по одной из многочисленных дорог, которыми старая Галлия обязана инициативе Агриппы. Одна подводила к проходу Большого Сен-Бернара, начинаясь от Северного моря и идя вдоль Рейна через Аванш; другая, отделяясь от нее, делала изгиб на восток через Базель и Констанц. От этих магистралей ответвлялось несколько дорог на запад, к Лиону и Вьенне. Эти города, связанные, в свою очередь, дорогами на Бурж — Орлеан — Париж — Реймс — Суассон — Амьен, с Ламаншем, отсылали новый путь в Альпы через Аосту и малый Сан-Бернар. В конце концов все привязывались к Кассиевой дороге и вели в Рим, если только путник не решался миновать этот великий центр, и по шоссе, шедшему долиною По, через Турин — Павию — Милан — Бергамо — Брешию — Верону — Альтино — Аквилею, вступить в Нижнюю Паннонию, чтобы по Балканскому полуострову направиться в Константинополь, а оттуда — в Малую Азию и Сирию. Именно так ехал бордосский путник в 333 году, и только на обратном пути из Иерусалима он взял южное направление на Рим и вернулся в Милан по Кассиевой дороге.

Из пересекавших, далее, Италию римских шоссе для паломников важны были самая старая итальянская дорога, Аппиева, соединившая Рим с Капуей, Латинская,

¹⁾ «Дорожник из Бордо в Иерусалим».

приведшая этот последний центр в связь с морем, и другие поперечные дороги — Салариева, Тибуртинская и Валериева, подбегавшие к различным гаваням Адриатики. Этими дорогами и определялись все сухопутные маршруты паломников, направлявшихся в Рим: англичане и ирландцы, как и скандинавы, переехав Ламанш к Булони, могли далее следовать парижско-орлеанской дорогой; немцы — рейнской и одной из швейцарских дорог, если не предпочитали перекинуться от Трира на парижскую дорогу. Ее избирали и северо-французы; западные французы могли взять тот самый путь от Бордо, каким проехал путник IV века; паломник с французского востока мог спуститься по Роне до Вьенны и взять дорогу на малый Сен-Бернар или добраться до Домициевой и затем Аврелиевой дороги.

Но Альпы не давались легко. Не напрасно северные путники перед отправлением в дорогу «обходили многие церкви, молясь, да пошлет им помощь тот, чей престол в высоте, чтобы безопасно перевалили они снежные цепи Альп». Были такие, которые, «перейдя альпийские перевалы, умирали от истощения сил на пути». Римская дорога прошла здесь тем ущельем, которое впоследствии получило имя святого Бернарда, на очень значительной высоте $2\frac{1}{2}$ килом. в вечно снежных крутизнах. К ним с особенным ударением прилагалось кельтское имя «Пеннинских Альп», где *pen* намекает на скалистую вершину, а *alp* — на белизну покрывающих ее снегов. На самой высокой точке прохода в римское время возник храм Юпитера Пеннинского. Его не существовало уже вначале средних веков. «Все, что в этом суровом поясе не поддерживает особенная энергия зодчего, — гибнет». В 339 году Константин младший заменил некогда стоявшую здесь статую Юпитера мильным столбом. Вероятно, он был разрушен какими-то полчищами, проходившими через Пеннинские Альпы в V веке, потому что на пути лангобардов он уже не отмечен.

Старое имя «Юпитеровой горы», Mons Jouis, Mont Joux, наконец, Mont Joie, оказалось очень живучим в средние века. Через chansons de geste, слагавшиеся жонглерами, участниками и увеселителями больших паломничеств, это имя стало одним из самых популярных имен французского эпоса. Оно превратилось в воинственный рыцарский клич, в соединении с другим, дорогим французским пилигримам и божьим воинам именем святого Дионисия. «Mont-Joie Saint Denis» сделалось тем возгласом, с которым звал в битву воин крестоносной эпохи. С иным настроением обращался к горе Юпитера в IX веке Лиутпранд. В то время во всех проходах и ущельях Альп свирепствовали сарацынские шайки. Кроме ледяных стремнин и снежных обвалов, путнику, шедшему на поклонение римским святыням, грозил «сарацынский ужас». Не напрасно в окружающем море Пеннинских Альп рассеялись маврские имена: Monte-Mauro, Mauro Fonte, Mont Mor, Maurienne... «Здесь святые люди терпели бесчисленные напасти от нечестивых воителей и дьявольских козней». Лиутпранд проклиняет «языческую» гору:

«Рассыпся, Юпитеров утес, привыкший губить святых
И спасать злых, которым дают — о, ужас! — имя мавров,
Тех, что упиваются людскою кровью и живут грабежом.
Что скажу? Хотел бы я, чтобы бог сжег тебя своей молнией
И, расколов на куски, навеки обратил в хаос!..

Но в хаос первозданной природы и кошмар сарацынского ужаса дано было вмешаться устрояющей энергии «божия человека». Жития святого Бернарда, священника из Аосты, говорят о «битвах с демонами и ложными богами», которые он выдержал в страшном ущелье, прежде чем в 960 году основал госпиций, давший имя всей соседней цепи. Со времени основания странноприимного дома святого Бернарда, а также, с утверждением в Италии каролингской власти, Montjoie уже меньше пугал заальпийских путников.

В XI веке Компостелло в глазах западных и особенно французских паломников почти соперничал с Римом: «Господь наш возвеличил перед всеми другими своих апостолов св. Петра, св. Иакова и св. Иоанна... Потому-то их города почитаются больше всех других: Рим — потому что святой Петр проповедывал в нем и оросил римскую землю своею кровью; Компостелло — потому что святой Иаков, который среди остальных апостолов имел наивысшее достоинство, освятил его своим блаженным погребением, и там после него бог творил чудеса. Эфес — потому что святой Иоанн впервые просветил его и проповедал евангелие: «В начале было слово». Там находится его погребение».

Итак, Компостелло — вслед за Римом. «Дорожник для паломников», составленный в начале XII века, описывает четыре дороги к нему по Франции, которые соединялись в одну подле Пампелуны. Из них главная, «Эгидиева» или Тулузская (*Aegidiana seu Tolosana*), задевала по пути еще два крупных паломничества Прованса: св. Эгидия (*Saint-Gilles*) и св. Гильома в пустыне (*Saint-Guilhem-du-Desert*).

От Нима, если паломник желает зайти в Сен-Жиль, как ему советует его дорожник, он направится на Арль. Отсюда он пустится по Домициевой дороге, которая, выйдя из Арля, пересекает Ним, Монпелье, Безье, Нарбонну.

От Нарбонны путники следовали той самой дорогой, по которой, в обратном направлении, прошел в 333 году благочестивый человек, оставивший дорожник «из Бордо в Иерусалим». Эта дорога часто является (в текстах) под названием *chemin roumieu*, *caminus peregrinus*, *caminus romvus Sancti Jacobi*. Она ведет в Тулузу через Лезиньян и Каркассонну.

Отсюда, если путешественники желали пересечь центральный массив Пиренеев, большой дорогой являлась долина Гаронны... За Пиренеями римская дорога привязывала Пампелуну прямо к Компостелло, идя вдоль северного берега полуострова.

Эта дорога доныне носит имя *Camino frances*. Ее охрана с 1161 года находилась в руках религиозного ордена «св. Иакова с мечом», которого девизом было: «Алеет меч от крови арабов» (*tubet ansis sanguine arabum*), и который должен был вооруженною рукою защищать пилигримов. По этому пути расположилось невероятно большое число *hospitia*: гостинниц и приютов для ночлега, которые частное гостеприимство воздвигло в деревнях, около мостов, в глухих лесах, чтобы служить убежищами набожным путникам. «Как велик должен был быть их прилив к главным этапам, туда, где все было организовано около главных святилищ, чтобы принять и удержать их!»¹⁾

О действительном состоянии всех этих путей в разные периоды средних веков мы имеем только отрывочные сведения. Несомненно, в меровингскую (для Галлии) и лангобардскую (для Италии) эпоху (в VI—VIII веках) они поддерживались плохо. Только энергия королевы Брунгильды, давшей имя «дорог Королевы» некоторым отремонтированным, повидимому, ею путям, да некоторые указы королей Дагобера и Хильдеберта III обнаружили известную заботу об «античных путях», «старых дорогах» (*via antiqua, strata vetus*). Эти имена, окруженные каким-то особенным почтением, появляются в их декретах, когда, намечая границы своих вилл и обителей, они от случайных «заметок на дубах», «крестов у пней», лесных и горных тропинок выходят на простор широкой «старой дороги». Более систематически о них начинает заботиться каролингская власть. Из капитулярия Пипина мы узнаем, что существует какое-то «старое положение и обычай об охране и поддержке дорог и мостов». В 807 году Карл Великий посылает специальных комиссаров для осмотра дорог, их реставрации и даже проведения новых во вновь завоеванные страны: Германию, Италию и Испанию. Теперь эти большие дороги получают

¹⁾ Bédier.—„Les legendes épiques“, т. I, ch. XI-me (*Via tolosana*), pp. 365 sqq.

имя «публичных», «королевских» дорог. Император Лотар в 837 г. обращается с специальным письмом к Людовику Немецкому, прося его озаботиться тем, чтобы «было можно без затруднений и неприятностей проезжать Италию и добираться до Рима». Каролингские памятники входят в известные подробности, сообщая, как осуществлялся «ремонт мостов, очищение, укрепление или настилка грязных дорог». Графы должны были привлекать к этому делу местное население. Возможно, что священный смысл большинства значительных путей оправдывал для набожных государей привлечение к делу «настилки грязных дорог», в качестве ответственных руководителей, епископов и священников. Нам большею частью неизвестны практические результаты этих распоряжений и целесообразность этих забот. Утратившее традиции римской техники население не стояло на уровне доверенной ему задачи. В каролингскую эпоху давно забыто было искусство цементовки, умение выделывать кирпич. Деятельность, по всей вероятности, в большинстве случаев, не шла дальше «настилки грязных дорог». Правда, Тионвильский капитулярий 821 г. говорит нам о возведении 12 (конечно, деревянных) мостов через Сену, но небольшая ширина Сены в тех местах, где были намечены новые мосты, делала это предприятие не слишком сложным. Была попытка перекинуть большой деревянный мост через Майн. Сен-Галленский хроникер с почтением говорит по этому поводу о высокой организации дорожного дела в империи: «Доныне свидетели этого факта — арки Майнского моста, который, можно сказать, в напряжении общего усилия создала вся Европа». Однако, едва достроенный мост сгорел в 813 году, как бы возвещая последовавшую полгода спустя смерть великого императора и давая выразительное доказательство не только «усилия Европы», но и бессилия ее деревянной техники пред лицом стихийных бедствий. Неосуществившееся предприятие соединения Рейна с Дунаем (при помощи канала от Альтмюля до Регница) является другой иллюстрацией

трагедии этих бесплодных усилий империи осуществить в грандиозном масштабе связи своих частей.

Можно сказать, что в области самого дорожного дела средневековая, в частности, каролингская Европа едва сберегла римское наследство и прибавила к нему немного своего. Зато оригинальной и во многих отношениях положительной стороной средневековой культуры было создание благоприятных условий для странствий, в особенности, если они были «странствиями господ ради».

V

Установлениям средневековых государств и церкви пришлось опереться на исконный народный германский обычай. Его — на фоне латинских обычаев, более сдержанных, в отношении «чужого», — с похвалою характеризовал Тацит: «Ни у одного народа не развиты так широко, как у германцев, общительность и гостеприимство. Нечестивым считается отказать в крове кому-либо из смертных. Всякий хозяин потчует его по своему состоянию, а когда у него не хватает, — тот, кто только что был хозяином, становится для гостя указателем и товарищем (в принятии чужого) гостеприимства. Незванные являются они в соседний дом... Пускай! Их принимают с тем же радушием. В отношении права гостеприимства не различают знакомого и незнакомого. И когда гость уходит, — что бы он ни просил, ему уступают, согласно обычаю». Этот народный «обычай», в эпоху формировки варварских прав, превращался в закрепленный карами (в случае его нарушения) закон. Бургундская правда карает штрафом в три золотых солида того, «кто отказал страннику в крове и очаге». Вестготская правда дает каждому путнику, хотя бы в отсутствии хозяина, право пустить коня пастись на его лугу, собрать ветви вокруг его жилища и зажечь в нем огонь. Эти предписания в поэтической форме воспроизводит и развивает религиозный эпос германского

севера. «Благо дающему»—говорят «Изречения Высокого» (то есть наставления бога Одина) в Эдде.

«Гость входит в горницу;
Пусть ему скажут, где сесть.
Тот мешкать не может, кому свое счастье
Разыскивать надо с огнем.
Огонь нужен гостю, что шел издалека,
Чьи колени застыли в пути;
Еда и одежда нужны человеку,
Если долго он брел по горам.
Гостю воды надо дать, чтобы вымыться,
И ручник, с ласковым словом;
Сам он поправиться пусть постарается,
Если хочет быть позван опять».

Этот добрый народный обычай глядит на нас через прозрачную форму каролингского законодательства. «Пусть в нашем царстве, споспешествуемом Христом, никто не отказывает в гостеприимстве странствующему, впрочем, только в жилище и огне»... Однако, в статьях, ближайших по времени капитуляриев, мы ощущаем, что отодвинулись от круга тацитовских наблюдений и «Изречений Высокого». Каролингское законодательство вносит некоторый новый оттенок в закон гостеприимства:

«Мы повелеваем, чтобы в нашем царстве ни богатый, ни бедный во имя любви к богу и спасения души не отказывал в приюте — кровле и очаге — паломникам, странствующим господу ради, а также и всякому в пути сущему». Делало ли государство, так великодушно перелавшшее на частных лиц, «как богатых, так и бедных», повинность гостеприимства, что-нибудь со своей стороны для улучшения условий странствий? Оно постоянно думало об обеспечении «ночлега и довольствия» — *gista et procuratio* своим собственным агентам и посланцам, требуя «для епископа (очевидно, с его свитой) ежедневно 40 хлебов, трех поросят, одну свинью, трех кур, 15 яиц, 3 боченка вина или пива, 3 мешка овса», соответственно — для аббата, графа, викария и т. д., но это требование

тоже относилось к местному населению. Павийский капитулярый Карла Великого говорит о каких-то государственных госпициях, *domus publicae*, которые «построены были издревле, в отдельных городах, к пользе и украшению государства, а ныне пришли в упадок и разорение». Но этими госпициями он как будто интересуется лишь постольку, поскольку они пригодны «для наших собственных нужд (*nostris usibus*) и для нужд тех посольств, которые направляются к нам от чужих народов». Таким образом, его заботы о самих странствующих господа ради, повидимому, преимущественно выражались в принятии их в принципе под «покровительство» государя: все они считались находящимися под его защитой, его специальными клиентами. Скорее в роли частных меценатов отдельные государи строили странноприимные дома на путях паломников, белее всего — в самой Италии. Где-то по пути «странников от западных берегов, шедших поклониться порогу св. Петра и гроту Гарганского утеса» в VIII веке выстроила убежище супруга лангобардского короля Деизерия, Анса. «Спокойно пускайся в путь» — обращается к паломнику ее надгробная эпитафия: «Безопасный под этим почтенным кровом, не бойся ни стрелы разбойника, ни туманов темных ночей. Здесь приготовлено тебе пропитание и просторный приют». Несколько позднее мы находим беглые упоминания о госпициях, основанных Людовиком Благочестивым, о ксенодохии, выстроенной маркграфиней Тосканской Матильдой в Апеннинах, между Луккой и Сьеной. Специально для скандинавских путников короли Эрик Добрый и Кнут Святой создали в XI веке прибежище между Пьяченцей и Борго-Сан-Доннино.

В этом важном деле государство не могло конкурировать с инициативой частных лиц и добровольным почином отдельных общественных организаций. В их ряду прежде всего выдвигаются разнообразные церковные организации. Когда в VII и VIII веках у северных монахов, преимущественно иро-скоттов, но также и англосаксов, «привычка

к странствиям стала их второй природой», когда по северному побережью Франции, а затем по Рейну и его притокам разбросались их подвижные очаги, «питомники пилигримов», они естественно сделались станциями, странноприимными домами для передвигавшихся братьев. Они стали приютами для новых приливов из Гибернии, которая, особенно под давлением нападений норманнов на ирландские кинновии, «почти вся, с сонмом своих философов, мигрировала к нашим берегам». Обычные рамки монастырского гостеприимства могли для этой цели оказаться недостаточными. С оживлением паломничеств северные монастыри, кажется, первыми раздвинули свои ксенодохии.

«Несомненно — утверждает один старый монашеский историк, — что подобные ксенодохии, или прибежища, или госпиции впервые были устроены для гибернских пилигримов, называвшихся в старину скоттами. Точнее — для всех тех, которые переходили в Германию с британских островов, с целью проповеди веры христианской». Тут есть некоторое преувеличение, потому что странноприимный дом уже упоминается в уставе св. Бенедикта Нурсийского. Но, кажется, верно то, что до массовых передвижений ирландцев и англосаксов Европа не знала в таком множестве коллективных странствий, не была к ним приготовлена, и что огромных размеров странноприимные дома с особыми рефекториями, кухнями, «necessaria», стойлами для лошадей и залами для собеседований, — как мы это уже видим в 827 году на (сохранившемся в современной рукописи) плане сен-галленской обители, возникают только в века Каролингов. Положения монастырских уставов о правилах гостеприимства все больше развиваются, достигая большой полноты в клюнийских установлениях. Правила св. Георгия Люневильского в Лотарингии требуют, чтобы там принимали приходящих ночью и днем «в положенные и неположенные часы». Устав св. Виктора Парижского устанавливает должность гостинника, который

«ни днем, ни ночью не отлучается из монастыря и во всякое время должен быть готов к приему приходящих». Устроители обители св. Кирика Неверского обнаруживают не совсем похвальную предупредительность к «благородным паломникам». А именно они возводят две отдельные ксенодохии, «недалеко от вашего города: одну для принятия бедняков, другую — для благородных мужей, приливающих к нам отовсюду». Прилив в клюнийские госпиции был так велик, что дом не мог вместить всех приходящих. Устав рекомендует в таких случаях принять «всех конных», потому ли, что на коне являлись преимущественно «благородные мужи» или потому, что человеку, связанному лошадью, труднее найти случайный приют. Пешим предлагается размещаться на селе или в городе (*in villa*), но монастырь обязуется посылать им хлеб, мясо и вино.

В ряду многочисленных монастырских прибежищ особенно притягивает внимание упомянутый выше приют св. Бернарда в ущелье Пеннинских Альп. Здесь, на «высочайшем из обитаемых мест Европы», самоотверженно основалась группа монахов-августинцев, чтобы от имени божья оказывать помощь тем, кто решился перейти грозные «снежные цепи». Вскоре после того, как обычай колоколов появился в Европе, он использован был широко братией св. Бернарда. В темные ночи, в снежные ураганы, они зажигали огни маленькой обители, звонили в колокола церкви, с колокольчиками выходили навстречу заблудившимся путникам, отогревали озябших. Если же странник не мог быть возвращен к жизни, братия отпевала умершего и относила его тело на ледяное кладбище в горах.

Когда с ростом клюнийского движения огромное множество клюнийских монастырей связалось в единую конгрегацию, эта связь значительно облегчила пути «паломников, господа ради», а с ними, и под их видом, также всех в пути сущих. Бродячая Европа, на дорогах своих всюду встречавшая приют в клюнийских ксенодохиях, получавшая от каждой напутствие и рекомендацию к следующей,

должна была почувствовать себя под защитой и влиянием большой, сильной организации, которая в результате согласного и длительного воздействия направляла незаметно ее пути, ощущения и мысли. Некоторые значительные узловые станции клюнийской сети стали огромными политическими и религиозными клубами, где копился горючий материал новых движений, загорались их искры, где самые подвижные элементы латинского мира, приходя в соприкосновение между собою и с Клуни, формировали, закрепляли и разносили мнения, новости, легенды и песни, где ковалось миросозерцание эпохи и создавались ее движения и события.

С развитием больших крестоносных странствий, к нормальным и оседлым странноприимным организациям стали в возрастающем числе прибавляться чрезвычайные. Благотворительные, деятельные ассоциации, оберегающие странников, не стали дожидаться, пока они придут в их госпиции. Они сами пошли за странниками. Все мы знаем то замечательное, подвижное братство, которое получило имя госпитальеров. Скромно было его начало. Между 1070 и 1080 годами, когда Палестина подверглась нашествиям сельджуков, купец из Амальфи, Панталеоне Мауро создал в Антиохии и Иерусалиме приюты для соотечественников. Они утратили свой узко-национальный характер, когда крестоносцы овладели Палестиной. Рядом с госпиталем Мауро вскоре вырос поглотивший его госпиталь Иоанна Милостивого. Имя его основателя — Герард, и это все, что о нем известно. Булла Пасхалия II изображает братство в действии. Она дает ему право выбирать главу, описывает существующую сеть его приютов: Сен-Жиль во Франции, Компостелло — в Испании, в Италии — Асти, Пиза, Отранто, Мессина и Тарент. Идея Герарда была проста и вместе грандиозна в тогдашних условиях связей европейских центров. В тех местах, где скоплялись путники в св. землю, где они садились на корабли, союз создавал приюты и братства руководителей, переводчиков, приходя на помощь

их слабости, бедности и невежеству. Но это замечательное братство, филиальные отделения которого разбросались по столь многим пунктам западной и южной Европы и средиземноморья, было не единственным, носившим имя «странноприимного» — госпитальеров. Подобные братства с конца XI века начинают возникать во многих городах Англии, Франции, Италии, не говоря о самой святой земле, и, в частности, Иерусалиме. С началом крестовых походов мы постоянно наталкиваемся на проявление их деятельности по устройству, руководству и снабжению путников, по призреванию больных, выкупу попавших в плен. В лице самих госпитальеров, и еще больше тамплиеров, создались впоследствии ордена, которые ставили задачей вооруженною рукою защищать путников на опасных дорогах и провожать их от этапа до этапа.

Очень много говорено и писано было о быстром извращении деятельности вооруженных монашеских братств, особенно второго из них, — об аристократизации их строя, постепенной подмене задач благотворительной помощи и защиты совсем другими, корыстными задачами. Все эти обвинения справедливы, в особенности в более поздний период их жизни. Они отчасти относятся к ордену тамплиеров. В отношении госпитальеров они на протяжении его многовековой жизни характеризуют гораздо больше отклонения и исключения, нежели правило. В века постоянной войны подвижные и оседлые странноприимные организации, союзы госпитальеров, клюнийские прибежища и рядовые обители оберегли от тяжелых, часто опасных условий передвижения самую живую, энергичную, ищущую стихию западного общества и содействовали созданию в нем постоянных связей и здорового обмена сил.

Чтобы воспользоваться гостеприимством религиозных организаций, почти неизбежно было облечься в образ пилигрима, странника господ ради. Это не требовалось, конечно, никаким уставом, но это вызывалось требованиями приличия, хорошего тона. Чтобы войти в чертог, тре-

бовалась брачная одежда; чтобы претендовать на монастырское гостеприимство, прилично было взять мешок и посох пилигрима — *peram et baculum*, «утешение и знак странника» — *solatium et indicium itineris*. Предание о Карле Великом очень дорожило в нем образом венчанного паломника, и в его житии с почтением рассказано, как в обряде его погребения «сверх императорского его одеяния положен был золотой мешок, который он обычно носил во время странствий в Риме». Простой путник нес такой мешок на веревке за плечами, более знатный вешал его на перевязь сбоку, и «шарф», опоясывавший его через плечо или по талии, стал третьим «утешением и знаком» странников. Эти знаки они получали от приходского священника своей церкви, и трудно отделаться от мысли, хотя прямо это нигде не сказано, что с течением времени, когда в приходе развивается очень строгая регистрация прихожан и ведутся списки отлученных, прелюбодеев, еретиков, колдунов, крестоносцев, — там же ведутся и списки паломников, вышедших из данной церкви. Возможно, что им, как и крестоносцам, выдавались в приходе особые паспорта, обеспечивающие им привилегии паломников. «Сибран Шабо, собираясь итти в Иерусалим, пред лицом господа и у мощей его святых приемлет посох и мешок в церкви святого Николая». Французские короли получали то и другое в базилике св. Дионисия. «Пришел король, по обычаю, в церковь св. Дионисия, чтобы получить разрешение от мучеников... и, помолившись, поднялся он с колен и набожно принял из рук Гильома, архиепископа Реймского и своего дяди, мешок и посох пилигрима». Этот эпизод, открывающий собою первый акт крестового похода короля Филиппа-Августа в 1189 году, передается во многих прозаических и поэтических сказаниях.

«Когда урочный час настал,
Король готовится в дорогу,
Куда господь сам указал,
И как он обещался богу;

И тверд в намереньи своем,
Он в церковь Сен-Дени вступает
И шарф, и посох принимает
В базилике, пред алтарем».
„Le rois en icel temps s'apreste,
Si come Dieu l'en avisa,
De la aler ou promis a,
Autrement cuiderait mesprendre.
L'escherpe et le bourdon va prendre
A saint Denis dedans l'église“ ...

С того момента, как он получил в такой форме официальное благословение церкви, паломник становился особой священной, защищенной законами церковными и, поскольку мирская власть соглашалась принять к руководству и исполнению постановления соборов, — силой светского меча. Посягнувший на жизнь и свободу пилигрима подлежит анафеме, судебные претензии к паломнику не имеют силы или, во всяком случае, передаются в церковный суд. Его векселя не протестуются впродолжение его отсутствия, проценты на заключенные им займы за это время не нарастают. Если это человек крепостного состояния, он освобождается от уплаты талии. Неясный, впрочем, вопрос, как обстоит в подобных случаях с разрешением сеньера-помещика! Должно ли оно было испрашиваться особо, или — в глазах, по крайней мере, самой церкви — ее благословение уже делало его излишним, и на практике результат определялся «непосредственным соизмерением сил», как и в большинстве случаев осуществления «церковной свободы». В постановлениях городских цехов, — например, в парижских статутах — многочисленные льготы и отсрочки в выполнении цеховых обязательств даются тем членам цехов, подмастерьям, рабочим и ученикам, которые «собираются за-море». Пусть мало внимательно прислушивалось мирское общество к церковным законам и отказывалось признать обязательными притязания церковной привилегии. Она проникала в жизнь, импонировала сознаниям. Сильные союзы церковных и светских князей, присягнувших

учреждениям «божия мира», вменяли себе в долг становиться на сторону защищаемых этим миром лиц. Это обстоятельство пробивало широкую брешь в ограде феодального закона, развязывало часто и без того довольно слабую цепь крепостной зависимости. Привилегия разрешала уходившим — это разрешение, повидимому, имело в виду «благородных» преимущественно вассалов — закладывать свои земли, без разрешения сеньера. Имущество, оставленное паломником на родине, так же, как и его семья, считались под особой защитой церкви и короля. В течение трех лет, согласно некоторым постановлениям (они часто противоречили друг другу), ни один наследник не мог предъявить притязаний на оставленное имущество.

Нет нужды говорить, что пестрая и волнующаяся феодальная действительность не укладывалась послушно в рамки всех этих законов и постановлений. Но они существовали и выделяли в принципе паломников в известную привилегированную общественную группу. Впрочем, ограничения, приходившие, с одной стороны, от давления мирского закона — и беззакония, с другой стороны, — станут, с течением времени, устанавливаться самой церковью, перед зрелищем «злоупотреблений привилегией». Многие брали посох и мешок паломника, чтобы уклониться от уплаты долгов, от суда и ответственности; именем паломника злоупотребляли, порочили его дурным поведением и преступлениями, претендуя на безнаказанность. Эти злоупотребления возрасли, когда паломники в святую землю тем самым стали «крестоносцами» и подошли под действие еще более широкой «привилегии креста». Вскоре эта последняя приобрела одиозный характер. Кредитор, заключающий сделку, естественно, прежде чем согласиться на заем, осведомлялся, не покрыт ли его контрагент привилегией паломника. Гражданские сделки стали избегать, как чумы, лиц, защищенных этой привилегией, и чтобы успокоить тревогу кредитора или купца, его клиент должен был заверить непринадлежность свою к привилегирован-

ному состоянию и дать обещание не вступать в него: «отказ от привилегии» — *renuntiatio privilegii*.

Церкви пришлось самой отказаться от слишком широкой защиты всех многообразных категорий пилигримов. С XIII века она претендует сосредоточить только в руках епископов — и даже только в руках римской курии — монополию разрешения странствий в святую землю. Со своей стороны, мирская власть никогда не отказывалась вмешиваться в это дело и налагать руку на свободу странствий.

Хроникеры постоянно сообщают нам, что к особенно славным святыням — в Рим, Иерусалим — во множестве стремились паломники всех рангов: «благородные и простые, богатые и бедные, миряне и клирики, мужчины и женщины». Но при всем развитии благотворительной помощи паломникам, деятельности странноприимных братств и монастырском гостеприимстве — эти далекие странствия были тяжелым и дорогим предприятием. Отправляясь в путь, дальновидные паломники запасались золотом, которое брали под заклад своих имений у евреев, у богатых монастырей. Бароны закладывали свои земли, ремесленники — свои мастерские; беднякам нечего было продавать и закладывать. Они шли без расчета и массами гибли в пути. Паломничества могущественно содействовали мобилизации людей и ценностей, но учесть действительное значение этой мобилизации мы не всегда можем, вследствие отрывочности наших данных. В эпоху крестовых походов индивидуальные странствия все больше теряются на фоне огромных коллективных предприятий, в которых вместе с пилигримами движутся купцы и товары, по пути завязываются торговые связи и возникают колонии и рынки.

Развернувшаяся в крестоносные предприятия волна западных паломничеств покрыла латинскими колониями Византию и Сирию и наполнила флотами Венеции, Генуи, Амальфи, Пизы, Марселя — Средиземное море. В этом новом, ею же отчасти разбуженном движении она сама вырождается и изменяется в характере.

Мы имели случай отметить, как с известного момента самой церкви пришлось менять свою политику в отношении к паломничествам и подумывать о сокращении привилегий паломников. В старую форму все труднее вмещалось пестрое содержание жизни. Соблазны и злоупотребления, к каким подавало повод исключительное положение паломников, несовпадение действительных мотивов странствий с их предполагаемыми идеальными целями — все это вносило смуту в учреждение и понятие божия странничества. Отсутствие настоящего набожного увлечения в компаниях разнообразных лиц, которые под именем пилигримов наполняют большие дороги, неблагоприятное поведение в пути и у мест почитания, праздная потеря времени вызывали равное осуждение у искренних людей церкви, как и у множившихся ее недругов, или просто скептиков, людей мирского духа. В сатире о «Лисе» от группы паломников отделится на пути в Рим один из таких честных скептиков: «Сколько на свете хороших людей, которые не были в Риме, и сколько таких, которые, побывавши там, явились оттуда худшими. Вернусь я лучше в свой дом, буду работать, делать добро бедным, буду жить добрым христианином. Это будет ничуть не менее угодно богу, чем далекие странствия во имя его». На этом фоне, а может быть в силу полусознанного духа противоречия растущему скептицизму охлажденных, увлечение верующих приобретает характер какой-то болезненной экзальтации, повальной, тяжелой заразы. Почти кошмарное впечатление производят ураганом налетающие паломнические эпидемии в сумрачном воздухе предреформенной Германии. «Десятки лет длилась тяжелая лихорадка, и... неистовство, с каким огромные скопища людей, как бы по мановению волшебного жезла, с плачем и молитвами перекочевывали туда и сюда, кажется не небесным наитием, но скорее плодом влияния

дьявола или воздействия созвездий»¹⁾. Духовенство, отчасти напуганное тревожным характером подобных эксцессов, отчасти само настроенное скептически, в качестве усердных прозелитов надвигающегося «Ренессанса», борется с такими явлениями. Несомненный религиозный декаданс, вырождение старых сильных потоков чувствуется в этих противоречиях. Накануне реформы они достигают крайнего напряжения.

Реформа, в общем, покончила с обычаем паломничеств в протестантской Германии, как 1789 год в революционной Франции. Однако же, ранее постановления самих епископов, «стрезвых и разумных», так характеризуют их современные тексты — детей мирских веков, а также указы католической французской королевской власти ставят преграды паломникам, закрывают им выходы «из Королевства», указывают проверять их паспорта, хватают и сажают в тюрьмы «праздношатающихся». Подобные ограничения не относятся к людям «порядочным». Но в религиозных предприятиях «порядочных людей» эпохи Ренессанса и Рококо, может быть, по существу еще сильнее элемент праздношатания. Паломничество, если по условиям пути оно не было тяжелым подвигом, уже в прежние времена, как мы видели, могло представляться известным развлечением для его участников. Перегринации знатных дам и кавалеров XVI и XVII веков вырождаются в настоящие пикники и салонные забавы, какими они остались в возрожденных роялистами XIX века паломнических демонстрациях с завтраками на траве и ночлегами под открытым небом эlegantных обоюбого пола приверженцев упраздненных тронов и алтарей.

Конечно, в тех углах и сердцах, где жила старая, глубокая вера, — попрежнему еще горела «любовная жажда видеть» и тоска по «подлинным следам» миров иных. С другой стороны, в наивных душах и в простом, отсталом быту жили во всей полноте старые суеверия реликвий, обычаи благочестивых талисманов. По дорогам католической

¹⁾ Бецольд — «История реформации в Германии». I. 110.

Баварии, Австрии и Франции попрежнему еще можно было встречать группы паломников, в обрядовом одеянии, с мешком и посохом и босыми ногами. Особенно многих продолжало идти и ехать к «порогу апостолов» — в Рим и ко гробу господню — в Палестину. Нельзя отрицать, что почтовые дилижансы и железные дороги должны были убить поэзию и величие подвига пилигрима. Их стали заменять искусственными суррогатами. Путник брел пешком, вопреки соседству пробегающей рядом железной дороги. Либо, проехав главную часть пути со всеми удобствами вагона, он шел (или полз) последний участок, отделявший его от святыни. Австрия и Бавария знают святые горы, куда полагается взбираться на коленях. Подобные подвиги, в обстановке современной, светливой, деловой жизни не всегда оставляют осадок благоговейного чувства даже у тех, кто их совершает.

На протяжении всего минувшего века, с эпохами так называемой католической реакции обычно совпадало оживление паломничества на Западе. Так, в первые его десятилетия вновь пробуждавшаяся к жизни осужденная радость мистического увела целое поколение прочь от рационалистического скептицизма Вольтера к романтическим восторгам Шатобриана. Его муза оживила для этого поколения «дух христианства»¹⁾ и указала ему вновь «Путь в Иерусалим»²⁾. Сочинение Шатобриана этого имени открывается такими словами: «Когда в 1806 году я задумал странствие за море, Иерусалим был почти забыт. Минувший век, враждебный вере, утратил память о колыбели веры... Отсюда вышло, что Иерусалим, столь, в сущности, близкий к нам, казался находящимся на другом конце света. Воображение усеяло препятствиями и опасностями пути к святому городу. Я попытался вновь вступить на него, и со мною случилось то, что происходит со всяким, кто решился двинуться прямо на предмет, вызывающий страх: грозные

¹⁾ Сочинение Шатобриана. — «Genie du christianisme».

²⁾ Его же. — «Itineraire de Paris à Jerusalem».

призраки рассеялись... Я показал дорогу, и с радостью видел, как многие последовали на ней за мною. Едва мой «дорожник» был издан — он послужил путеводителем множеству странников... Более полуторы тысяч англичан посетили в этом году Иерусалим, и леди Стенгоп в Сирии воскресила историю антиохийских и триполисских принцесс»...

«Дорожник» вызвал постановку панорам Иерусалима. Зрелище стало модным. Париж бредил Палестиной, бегал на представления, которые сопровождало чтение гармонической прозы Шатобриана. С волнением, быть может, напоминавшим отчасти трепетное чувство бывших «йорсалафаров», смотрели парижане на изображение пещеры с латинской подписью: «*Hic de virgine Maria Christus natus est*». — «Здесь от девы Марии родился Христос», и снимок тяжелой гробницы, озаглавленный: «*Hic iacet inclitus dux Godefridus de Bulion, qui totam istam terram acquisiuit cultui christiano, cuius anima regnet in Christo. Amen*». — «Здесь покоится славный герцог Годфрид Бульонский, который всю эту землю завоевал для веры христианской, чей дух да царствует во Христе. Аминь». Но если в этом воскресении старых дум и чувств была подчас сила и искренность, то не во всех случаях ее приходится преувеличивать. В восстановлении английскою леди «истории антиохийских принцесс» был некоторый элемент маскарада с переодеваньем, и в паломничестве сотен англичан по путеводителю Шатобриана было немало примеси модного спорта. В нем были также элементы сознательной политической манифестации. Гораздо более могущественные и искренние мотивы религиозно-политического оказательства в более близкую к нам пору вызвали к жизни новые большие паломничества, как, например, созданное во вторую половину минувшего века паломничество к «Голубой Деве» Лурдского грота. Нежные видения лурдской пастушки, Бернадетты, в 1858 году дали толчок к очень сильной вспышке культа мест, освященных явлениями «девы в белом платье и покрывале, с золотыми локонами и золотыми розами на

туфлях, с голубым поясом о двух длинных концах». «Она говорила: я — непорочное зачатие... Покайтесь, покайтесь, покайтесь!.. Идите все к этому источнику, пить воду, совершать в нем омовения и есть траву его луга»... Эта вспышка, с которой сперва боролась местная духовная власть, разгоняя паломников и загораживая источник, у которого искали исцеления, нашла могущественную поддержку у папской курии и у общества Иисуса. Это последнее умело использовало паломничество, как манифестацию в пользу догмата о [беспорочном зачатии, недавно провозглашенного Пием IX, как манифестацию против совершившейся в 1871 году секуляризации Рима и плена папы в Ватикане, наконец, — против французской Республики. Генеральный Совет лурдского паломничества принял в свой устав положение об «осуждении» всего, что осуждает Святейший Престол. Его члены одушевлены одним стремлением: верить и повиноваться ему, работать во имя спасения Франции и освобождения святейшего престола». В этих постановлениях «оплакиваются все уклонения и ложь, все кощунства и богохульства, в результате которых Христос изгнан из законов нашей страны». Специальный религиозно-политический орган «Паломник» основан был для пропаганды идей лурдского братства.

Очень активный, прямо агрессивный характер братства, недвусмысленность политических его тенденций, в основе глубоко-реакционных, созданная им обстановка «чудес», их часто грубая подтасовка и квази-научная «регистрация», смешение приемов темной магии и чисто-модерной рекламы вызвало несочувствие к лурдскому паломничеству многих искренно-католических организаций. Впечатление, которое производили отрицательные его стороны на свободного мыслителя и скептика, получило широкую публичность в шаржированном изображении романа Зола — «Лурд».

Как часто в отдельных случаях энергия паломнических движений и жизнь паломнических центров в настоящее время ни напоминали бы нам ту картину, которую рисуют

средневековые хроники, в оценке их силы, как коллективных исторических явлений, не может быть недоразумений. В своем прежнем виде — явлений, бывших главным мотивом и возбудителем передвижений, покрывавших по существу или по форме (хотя бы по имени) большинство иных видов странствий, — «пeregриации» отошли вместе с классическим средневековьем. На большой дороге появилось огромное множество людей, которые даже и не имели в мысли выставлять «божье странничество» главной целью; на них выросли госпиции, куда пускали путников за деньги, а отнюдь не во имя Христово; и самые эти дороги пробежали в новых направлениях и к новым целям. Некоторые из старых святынь выдохлись. С другой стороны, естественная тоска по подлинным следам ушедшего, дорогого и святого, умиление воспоминания, «любовная жажда видеть» и надежда на таинственное общение — нередко потянулись в направлении образов и «реликвий», которые церковь не всегда регистрировала в свои списки. Паломничества людей Ренессанса к реликвиям античного Рима, паломничества поклонников красоты и мысли к реликвиям их творцов, паломничества людей, затронутых меланхолией истории, к великим руинам, граждан к реликвиям великих вождей зачастую бывают согреты тем же жгучим чувством надежды на «свидание», на «воскресение», почти — на «исцеление». Ушедший мир полон сочувственных человеческих «флюидов», и если бы и в наше время ищущий общения с ним положил на его могилу таинственный платок Григория Турского, он оказался бы тяжелым от воспоминаний...

Конечно, и до сих пор люди, прямо или косвенно связанные с той сокровищницей человеческих воспоминаний и любовного общения, которая называется церковью, — в нашем случае ее западной половиной — с особенным чувством вступает на дороги, где одинаково живы история, церковь и человеческая любовь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТРАН.
Предисловие	5
I. Общее значение паломничеств в жизни средних веков .	7
II. Связи Востока и Запада в IV—VII веках. Первые паломничества в Иерусалим	9
III. Мотивы паломничеств. Реликвии и различные формы отношения к ним. Виднейшие западные хранилища реликвий. Их соперничество. Гробницы святых людей и гроты ангелов. Паломничества X—XI веков.	23
IV. Главные направления паломничеств. Морские пути норманнов. Дорожная сеть, унаследованная от Рима. Пути в Италию, Иерусалим и Испанию. Состояние дорог	42
V. Условия странствий. Гостеприимство. Станции и убежища. Монастырские госпиталии и странноприимные братства крестоносной эпохи. Паломник на пути. .	57
VI. Поздние паломничества	68

ИЗДАТЕЛЬСТВО
БРОКГАУЗ-ЕФРОН

Петербург, Прачешный пер., 6. Тел. 553-92.

ИСТОРИЯ

- Проф. И. М. КУЛИШЕР — Промышленность и рабочий класс на Западе в XVI—XVIII ст.ст. Ц. 1 р. 50 к.
- Его же — Промышленное развитие и условия труда на Западе в XIX ст. Ц. 2 р.
- Проф. О. А. ДОБНАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ — История письма в средние века. Ц. 2 р. 25 к.
- Акад. Б. А. ТУРАЕВ — Классический Восток (посмертный труд под редакцией и с примечаниями проф. В. В. Струве и проф. Н. Д. Флитнер, ч. I *(печатается)*).
- Проф. Ю. В. ГОТЪЕ — Русская археология, ч. I *(печатается)*.
- Акад. В. П. БУЗЕСКУЛ — Афинская демократия. Новое переработанное издание *(печатается)*.
- Проф. И. М. ГРЕВС — Очерки развития средневековой культуры *(печатается)*.
- Проф. М. Д. ПРИСЕЛКОВ — Нестор Летописец. Ц. 50 к.
- В. А. НИКОЛЬСКИЙ — В. И. Суриков. Ц. 50 к.
- Проф. С. П. ТХОРЖЕВСКИЙ — Стенька Разин. Ц. 50 к.
- Проф. А. И. ХОМЕНТОВСКАЯ — Кастильоне. Ц. 50 к.
- Проф. Н. И. КАРЕЕВ — Томас Карлейль. Ц. 50 к.
- Акад. В. П. БУЗЕСКУЛ — Перикл. Ц. 50 к.
- Проф. Д. П. КОНЧАЛОВСКИЙ — Аннибал. Ц. 50 к.
- Проф. Д. Н. ЕГОРОВ — Генрих Шлиман. Ц. 50 к.
- Акад. С. Ф. ПЛАТОНОВ — Иван Грозный. Ц. 60 к.
- Проф. А. Е. ПРЕСНЯКОВ — Александр I. Ц. 75 к.
- Проф. Г. П. ФЕДОТОВ — Абельяр. Ц. 60 к.
- Проф. А. Е. ПРЕСНЯКОВ — Николай I *(печатается)*.
- Проф. К. В. КУДРЯШОВ — Платон Зубов »
- Т. Н. АНЦИФЕРОВА — Юрий Крижанич »
- Проф. И. М. ГРЕВС — Данте *(печатается)*.
- Проф. О. А. ДОБНАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ — Ричард Львиное Сердце *(печатается)*.
-

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

- Н. П. АНЦИФЕРОВ — «Душа Петербурга» (с гравюрами на дереве А. П. Остроумовой-Лебедевой). Ц. 2 р.
- Н. П. АНЦИФЕРОВ — Петербург Достоевского (с рисунк. М. В. Добужинского). Ц. 2 р.
- Н. П. АНЦИФЕРОВ — Быль и миф Петербурга. Ц. 1 р. 25 к.
- Л. П. ГРОССМАН — Театр Тургенева (с 35 иллюстр.). Ц. 4 р. в перепл.
- Л. П. ГРОССМАН — Путь Достоевского (*печатается*).
- СБОРНИК ГОСУД. ПУБЛИЧН. БИБЛИОТЕКИ (неизданная рукопись И. А. Гончарова — «Необыкновенная история»). Ц. 2 р. 50 к.
- С. Н. ТРОЙНИЦКИЙ. Отдел драгоценностей Эрмитажа:
- Вып. 1. Веера (с 22 иллюстр.), Ц. 3 руб.
- » 2. Английское серебро (с 32 иллюстр.). Ц. 3 руб.
- » 3. Часы
- » 4. Табакерки } (*готовится к печати*).
- О. Ф. ВАЛЬДГАУЕР. Римская портретная скульптура в Эрмитаже (40 иллюстр.). Ц. 2 р.
- О. Ф. ВАЛЬДГАУЕР. Античная скульптура в Эрмитаже (с 380 иллюстрациями). Ц. 5 р.
- В. Н. ТАЛЕПОРОВСКИЙ. Павловский парк (с рис. автора). Ц. 3 руб., на веленовой бумаге ц. 5 р.
- В. А. НИКОЛЬСКИЙ. Древне-русское декоративное искусство (с 24 табл.). Ц. 2 р.
- Н. Э. РАДЛОВ. От Репина до Григорьева (с 19 иллюстрациями). Ц. 2 р. 50 коп.
- Л. А. МАЦУЛЕВИЧ. Русское церковное искусство XVIII и XIX вв. (*готовится к печати*).
- М. И. МАКСИМОВА. Античные резные камни (*печатается*).
- М. В. ФАРМАКОВСКИЙ. Майолика в России (*печатается*).
- В. К. СТАНЮКОВИЧ. Фонтанный дом Щереметевых. Ц. 50 к.
- М. С. КОНОПЛЕВА. Дом Шуваловых. Ц. 50 к.
- К. В. РУБЕЦ. Дворец Меншикова. Ц. 30 к.
- А. В. КАРЛСОН. Летний сад при Петре Великом. Ц. 50 к.
- В. А. НИКОЛЬСКИЙ. Старая Москва (*печатается*).
-

18. 27. 53

